

СМЕРТЬ на Параде Победы

Андрей КУЗНЕЦОВ

Война после Победы. Остросюжетные
романы о Сталинской эпохе

Андрей Кузнецов

Смерть на Параде Победы

«Яуза»

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Кузнецов А. Я.

Смерть на Параде Победы / А. Я. Кузнецов — «Яуза», — (Война после Победы. Остросюжетные романы о Сталинской эпохе)

ISBN 978-5-699-72235-8

Отгремели последние залпы Великой Отечественной, но война не закончилась даже после Победы. Расследование на первый взгляд заурядного убийства выводит НКГБ на след спецгруппы абвера, заброшенной в Москву для покушения на Сталина. Откажутся ли немецкие диверсанты от своего задания после падения Рейха – или выполнят последний приказ Гитлера, решившего сжечь вместе с собой весь мир? На что способны убежденный нацист и русский белогвардеец, лишь бы сорвать Парад Победы? И удастся ли советским спецслужбам предотвратить убийство Вождя во время величайшего триумфа СССР?

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-72235-8

© Кузнецов А. Я.
© Яуза

Содержание

1	6
2	9
3	15
4	21
5	24
6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Кузнецов

Смерть на Параде Победы

© Кузнецов А., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Иллюстрация на обложке Нины и Александра Соловьевых

* * *

*Мир должен родиться от победы, а не от соглашения.
Марк Туллий Цицерон, из письма Луцию Мунацию Планку от 20
марта 43 г.*

1

Георгий выстрелил через семь секунд после того, как махнул рукой Алексей. Усовершенствованный «Панцеркнакке-3», попав в окошко водительской дверцы первого из трех автомобилей, легко пробил восьмисантиметровое, особой прочности стекло и взорвался в салоне.

Коротко полыхнуло пламя, тяжелый автомобиль невысоко подбросило в воздух (не было бы на нем брони, так в сторону бы улетел) и развернуло поперек дороги. Водитель второго автомобиля среагировал мгновенно – ас из асов, другого на такую машину не посадили бы. По всем законам физики, ему полагалось таранить подбитый автомобиль, потому что на такой скорости да при такой массе за две-три секунды сделать ничего нельзя, но он все же сделал – крутанул на полном ходу руль, пытаясь объехать препятствие. Но не объехал, потому что объехать не смог бы никакой ас. Второй «паккард» ударил первый не передом, а правым боком. И тут же получил заряд в лобовое стекло...

Ознакомив подчиненных с планом акции, Алексей предложил им высказаться. В абвере свои порядки. При железной субординации (не железной у немцев не бывает, на том до сих пор и держатся) каждый может сказать дельное и это дельное будет услышано. Абвер – не гестапо, где положено вытягиваться в струнку и орать: «Jawohl, mein Führer!»¹ Абвер – это абвер, и этим все сказано.

– Почему не сразу во вторую машину? – спросил Георгий. – Зачем в первую? Он едет во второй, верно?

– А охранников можно снять потом, – пробасил Павел.

– Если они не удерут! – хохотнул, осмелев, Иван.

– Кто даст гарантию, что машины не меняются местами? – Алексей обвел всех потяжелевшим взглядом. – Кто-то может дать гарантию?

– Тот, кто боится опасности, будет сидеть в средней машине... – Георгий не возражал и не спорил, а просто думал вслух.

– Если бы поступки Объекта были бы столь легко предсказуемы, – голос Алексея зазвенел от сдерживаемой ярости, – то я бы сейчас ходил по Москве в форме, а не в этом вонючем тряпье!..

Вонючее тряпье было добротным ватником, немного поношенным, немного замасленным (как и положено рабочему человеку), но совсем не вонючим.

– Первый выстрел – в первую машину, второй во вторую, третий – в последнюю! – продолжал Алексей. – Георгий стреляет, Остап страхует, а Константин, Иван и Николай дают им возможность обстрелять машины. На моей памяти никогда еще не было такой простой задачи. Три крупные цели, по одному попаданию в каждую цель – и можно возвращаться домой!..

«Домой» больно кольнуло внутри. «Где теперь мой дом? – подумал Константин. – Где вообще мой дом? Там, где родился? Тогда я дома, ну – почти дома. Или там, где пригодился? Но там уже дома нет. Не считать же домом комнату в казарме...»

– Наша задача проста – каждая из трех машин должна получить в салон по заряду! – повторил Алексей и, в нарушение всех правил, предписывающих во вражеском тылу говорить только по-русски и называть друг друга только русскими псевдонимами, скомандовал, понизив голос до шепота: – Rührt Euch!..²

Второй автомобиль взрывом развернуло так, что третий врезался ему прямо в середину, слева. Третий «паккард» получил два заряда – Остапу тоже захотелось выстрелить хотя бы разочек. Понятное желание, даром что ли тренировался столько времени.

¹ Так точно, мой командир! (нем.)

² Вольно! (нем.)

Константин переглянулся с Алексеем и понял, что тому тоже не нравится легкость, с которой удалось выполнить задание. Слишком уж гладко все получилось – подъехали со стороны пригорода, выстрелами из бесшумных пистолетов сняли охрану, лежали пару минут на обочине, дождались, подбили... Сейчас подъедет Павел, отъехавший на километр назад, и заберет их. Обычный на вид сто первый «ЗИС» стараниями Павла и Николая превращен в наземный самолет без крыльев. Их никто не догонит, а для тех, кто попробует встать поперек дороги, у Георгия с Остапом хватит «панцеркнакке», у Георгия осталось семь зарядов, а у Остапа – девять...

Из подбитых автомобилей валил густой черный дым. По цепочке рвануло трижды и блеснули три сполоха пламени – взорвались бензобаки. Никто не пытался выйти наружу, да и некому было выходить. Константин зябко поежился, представляя, каково там, в салоне, после попадания «панцеркнакке». Адский ад...

Послышался шум приближающегося автомобиля.

– Получилось! – заорал Иван, вскакивая на ноги и потрясая в воздухе автоматом. – Б... буду, получилось!

Боковым зрением Константин увидел, как Алексей поднимает свой автомат, и подумал, что Иван заслуживает пули. Сволочь, уголовник, отребье, да еще и дисциплина хромает. Такое дерьмо незачем тащить обратно. В рейхе своего дерьма хватает, хоть лопатой гребь.

Георгий тоже вскочил, и еще в движении (он все делал легко, сноровисто) успел вставить в ствол новый патрон. Теперь и до Константина, расслабившегося на мгновение, дошло, что приближающаяся машина шумит как-то не так, странным двойным звуком.

То и впрямь был двойной звук, потому что со стороны, противоположной Москве, приближались сразу два автомобиля – «свой» «ЗИС», если можно считать своим украденный автомобиль, и чужой грузовик (такие здесь называли «полуторками»), кузов которого был набит солдатами. «ЗИС» солдаты не обстреливали и остановить его не пытались, не иначе, как приняли за чекистский. Логично – он же едет к месту событий, а не прочь от него.

Отчего-то вспомнилось, как Иван сказал про «ЗИС»: «Какой-то фраер двадцать семь косарей заплатил, а мы с Кольшей даром взяли!». Была у Константина такая особенность – в ответственные моменты лезла в голову всякая белиберда, отвлекала. Это, наверное, от привычки много думать. Плохая привычка.

Алексей с Константином готовили операцию несколько дней. Выбрали место для засады на Можайском шоссе, в двух километрах от поворота к резиденции. Хорошее, удобное место, почти не охраняемое – всего-то семерых чекистов положить пришлось. Сначала хотели напасть в городе, где проще отходить, но быстро поняли, что в городе ничего не получится. Сидя в доме на набережной³ легко фантазировать, придумывая отходы по крышам или подземной системе подвалов. Поди-ка поднимись на эту крышу или спустись в подвал, сразу же узнаешь почем фунт лиха. За городом проще – как увидишь, что чекисты выходят на шоссе, отсчитывай положенные минуты и начинай акцию. Машина едет к Москве, убирая по пути охрану правительственной трассы из бесшумного оружия (Георгий и Остап – стрелки от Бога), затем высаживает группу, а сама отъезжает немного назад, чтобы не вспугнуть кортеж. Константин с Николаем в чекистской форме встают по обеим сторонам шоссе, остальные ложатся на землю и ждут. Алексей долго возился с расчетами – скорость движения автомобилей, расстояние до них от места засады, углы стрельбы, время для отхода... Кажется, времени для отхода уже нет. Что ж, сначала было гладко, теперь станет жарко. Главное, что задание уже выполнено.

Георгий повел стволом, целясь, а с полуторки на ходу уже спрыгивали солдаты. Они же и первыми начали стрелять. Стреляли скупыми, короткими очередями, как стреляют хладнокровные, бывалые вояки. Георгий успел выстрелить и тут же упал. Полуторка подпрыгнула

³ Имеется в виду дом М974 на набережной Тирпица в Берлине, где находилась штаб-квартира Абвера.

высоко в воздух, перевернулась, выбрасывая тех, кто не успел выпрыгнуть, и загорелась. Иван, Константин, Остап и Николай начали стрелять в ответ. Видимость была плохой, но дым с одной стороны мешал, а с другой помогал.

Алексей, пригибаясь, подбежал к Георгию, упал возле него, потрогал рукой, а затем прижал ствол своего ППШ к голове Георгия и выстрелил.

Николаю везло – в него чекисты не стреляли, видимо, все еще продолжали считать своим. «ЗИС» развернулся, остановился рядом с Алексеем, приглашающе раскрыл обе задние дверцы. Не дожидаясь команды, потому что если все спланировано заранее, то команды не требуются, члены группы начали по одному забираться в салон. Алексей сел последним. От машины и из нее уже не стреляли, чтобы не провоцировать вспышками ответный огонь, который мог бы повредить «ЗИС». Только когда уже невероятно быстро, набирая скорость, проезжали мимо лежащих на земле чекистов, Иван высунулся из окна чуть ли не по пояс и полоснул длинной очередью.

– Суки легавые! – крикнул он, уже вернувшись на свое место. – Получай!

Алексей, сидевший слева от Константина, брезгливо поморщился. Константин увидел в руках командира гранатомет Георгия. Подумал – молодец, и в горячке боя не забыл прихватить секретное оружие, чтобы оно не досталось врагам. Подумал и только тогда вспомнил, осознал, что случилось с Георгием, Мишкой Звягиным, единственным и настоящим другом, человеком из той, прошлой, счастливой жизни, в которой ему довелось прожить почти десять лет, а Мишке всего шесть. И теперь Мишки уже нет. Его убил командир. Правильно сделал, если и попадать в руки врагу, то только мертвым. Так всем спокойнее и лучше, и нам, и ему.

– Артерию пробило, – негромко сказал командир.

Какую именно артерию, Константин уточнять не стал, да и если бы захотел, не успел, потому что Павел крикнул:

– Перети!

С русским языком у Павла, коренного рижского немца, было плохо, а с финским хорошо, поэтому по документам он был карелом. Павел Иоганович Прокконен, пролетарий в седьмом колене, «рабочая косточка», как говорят товарищи.

Впереди, навстречу, на огромной скорости шли две черные легковые машины.

– Тормози! – скомандовал Алексей. – Остап, дай один заряд! Первая моя, вторая твоя!

Павел затормозил плавно, спокойно, так, что никого из пассажиров вперед не кинуло, и пригнулся, давая возможность выстрелить Остапу, делившему с Иваном переднее сиденье. Оба заряда попали в цель. Так же спокойно Павел тронул с места.

«Мишки больше нет! – стучало в висках у Константина. – Мишки больше нет! Почему не Иван и не Николай, почему Мишка?»

Заученно-механически, не отдавая себе отчета в поступках, но в то же время делая все правильно, он вышел из машины, когда та остановилась, переделся в заранее припасенную штатскую одежду – пиджак, старые, довоенные еще, галифе с выцветшим кантом, ватник, и вместе с Павлом пошел через лесок к железнодорожному переезду.

– Теперь все будет хорошо, – по-немецки сказал Павел. – Мы отрубили голову чудовища и...

– Надо еще свои головы унести! – по-русски оборвал его Константин. – А потом уже говорить «хорошо»!

– Та, надо, – перешел на русский Павел и заискивающе добавил: – Не кавари «гоп» пока не перепрыгал.

Под ногами отвратительно чавкала оттаявшая апрельская земля, в которой не ощущалось ничего родного. А в двадцать седьмом, кажется, ощущалось, не так остро, как в восемнадцатом, но все же... «Глупости! – одернул себя Константин. – Земля – это почва, просто почва. Чернозем, суглинок, солонцы...»

2

Переломанные пальцы трупа торчали в разные стороны, словно ветки на дереве. Высохшее старческое лицо исказила гримаса боли, сильной боли. Рот перекосялся, глаза, казалось, вот-вот готовятся выпрыгнуть из орбит, на нижней губе – след от десен. Убитый закусывал губу деснами, зубные протезы лежали в стакане с водой, стоявшем на тумбочке.

– Пытали, – глубокомысленно, явно рисуясь перед стажером Семенцовым, сказал старший оперуполномоченный майор Джилавян, белокурый нордический красавец, в котором армянского было только имя с фамилией. – И так пытали, что сердце не выдержало.

Скорее всего, так оно и случилось, потому что шея покойника не свернута, ножевых или пулевых ран, могущих привести к смерти, на привязанном к креслу трупе видно не было, но главная заповедь сыщика гласит: «Не спеши с выводами». Хотя бы до осмотра тела врачом. А если уж и делаешь выводы, то делай их как следует, учитывая все.

– Профессионально пытали, – уточнил оперуполномоченный капитан Алтунин, указывая пальцем на сорванные ногтевые пластинки, валявшиеся на полу, возле кресла. – Осторожно, Гриша, не наступи.

Семенцов пришел в МУР из беспокойного девятнадцатого райотдела – Бутырский хутор, Марьино роша, окрестности Рижского вокзала. Начальника райотдела майора Кочергина Алтунин знал еще с довоенных пор. Хорошо знал, со всеми, как говорится, потрохами. Тот еще куркуль был Кочергин, снега зимой не допросишься. Если ребята устраивали складчину по какому-то поводу, то у него не было «ни харчей, ни мелочей», если собирали деньги на подарок, то он просил кого-то отдать за него и возвращал долг после многократных напоминаний. Да что там деньги или харчи – он ни одного урку ни разу папиросой не угостил, чтобы контакт наладить. А без контакта с контингентом какая работа? Одно очковтирательство. Но у некоторых получается, вон до майора дорос, райотделом командует. Алтунин сразу заподозрил, что Кочергин спихнул лейтенанта Семенцова в МУР из соображений «дай вам Боже то, что нам негоже». С отличными, как полагается, характеристиками. Так и получилось, уже через неделю стало ясно, что опер из Семенцова, как из фекалии боеприпас – тугодум, тетеха, но заносчив и самолюбив до невозможности. И подхалим. Прилепился к Джилавяну, ходит за ним тенью, поддакивает, чайком-сахарком норовит угостить.

– Профессионально, – тоном знатока согласился Джилавян, перешедший в МУР из госбезопасности в феврале сорок первого при разделе наркомата;⁴ видимо, были у него на такой переход, по сути дела, – понижение, веские причины. – Но не очень. У профессионалов люди во время допросов не умирают. Да еще так скоро.

Сорвали только четыре ногтевые пластинки – с большого, указательного, среднего и безымянного пальцев левой руки.

– Четкая работа, – похвалил судебный медик Беляев, подняв с пола пинцетом окровавленную скорлупку. – Дантистская.

– Почему дантистская, Валентин? – сразу же насторожился Джилавян. – Хочешь сказать, что убийц среди коллег искать надо?

Убитый, Арон Самуилович Шехтман был известным на всю Москву зубным врачом. Даже Алтунин, у которого с зубами проблем пока не было, если не считать двух выбитых при задержании банды Паши-Карася, слышал о Шехтмане. Говорили о нем с придыханием, закатывая глаза кверху: «Ах, Семен Самуилович, золотые руки!». Арон Самуилович, насколько понял Алтунин, был и швец, и жнец, и на дуде игрец – ставил пломбы, вырывал зубы, делал

⁴ 3 февраля 1941 Указом Президиума Верховного совета СССР НКВД был разделен на два самостоятельных органа: НКВД (нарком – Лаврентий Берия) и Наркомат государственной безопасности СССР (НКГБ).

коронки и протезы. Вот эти коронки проклятые его и сгубили. Где золото, там до беды недалеко. Особенно по нынешним голодным временам.

– Потому что четкая, – проворчал Беляев, рассматривая пластинку на свет. – Хороший дантист так зубы рвет – раз и нету!

– Хороший дантист сначала зуб туда-сюда поворачивает, а потом уже рвет, – тоном зна-тока заметил Джилавын. – И с ногтями так же надо – поддел, потянул, в глаза посмотрел, вопрос задал... Спешить нельзя. Ногтей всего десять.

– Это на руках, – влез с уточнением Семенцов. – А на ногах еще десять!

Джилавын посмотрел на него тем специфическим, полным презрительного недовольства, взглядом, каким солдаты смотрят на найденных вшей.

– А чо? – засуетился Семенцов. – Я ж правду сказал. Вот и доктор подтвердит, верно Валентин?

– Кому Валентин, а кому и Валентин Егорович, – Беляев не терпел панибратства, не любил ночной работы, недолюбливал Семенцова. – Гриш, тебе сказали, чтобы ты не топтался почем зря! Тебе что, больше делать нечего? Ступай, соседей опроси!

– Так спят же еще соседи, – возразил Семенцов и для верности посмотрел на свою трофейную «Сельзу» с удобным для ночных засад черным циферблатом. – Четверть пятого.

– А ты разбуди, – не сдавался Беляев. – Хоть что-то полезное сделаешь.

– Кончай прения! – на правах старшего, распорядился Джилавын. – Дима, ты со столом закончил?

– Угу! – отозвался эксперт научно-технического отдела Галочкин, сосредоточенно посыпавший графитовым порошком черный телефонный аппарат, который стоял на прикроватной тумбочке.

«Как у большого начальника», подумал Алтунин. В его представлении держать телефон возле кровати могли только те, кому звонят ночами. Кто, интересно, звонил покойному? Срочный вызов? Добрый доктор, спасите-помогите, зуб болит так, что мочи нет? Навряд ли Шехтман был из таких, кто по ночам к пациентам бегал. К нему, небось, в очередь за два месяца писались. А аппаратов два – один в прихожей на стене, другой – в спальне. Зачем? Странно, непонятно.

Все странное и непонятное Алтунин привык прояснять. Профессиональная привычка, иначе в сыщицком деле нельзя.

– Гриша, садись, писарем будешь! – распорядился Джилавын.

Семенцов без особой охоты присел к столу, положил на него свой новенький кожаный планшет, щелкнул еще не разработанным и оттого звучным замочком...

– А вот кто мне скажет, на хрена нашему покойнику такие тайники?! – громко поинтересовался из глубин платяного шкафа капитан Данилов. – Не закончись война и не будь он евреем, то я бы поставил стакан против бутылки, что здесь рацию прятали!

– На антресолях тоже емкий тайник, – отозвался Алтунин. – И под кухонным подоконником целый чемодан можно спрятать.

– Может, он там журнальчики похабные держал, заграничные, – сказал в пространство Беляев. – Служивые их из Европы пачками везут. Одинокий старичок вполне мог развлекаться...

– Женатый он был, – подал от двери голос дворник-понятой. – Семейный. Дочка замужем, отдельно живет, а жена в клинике лежит, с желудком у нее что-то. В четвертой.

– Из-за журнальчиков его убили? – Джилавын саркастически усмехнулся. – Ты, Валентин, думай, а потом говори!

– Это уже целая похабная библиотека получится! – хохотнул из шкафа Данилов. – Только вот не слышал я еще, чтобы за такую пакость убивали и чтобы ее выдавали под пытками тоже не слышал. Нет, ребята, тут золотишком и камушками пахнет. Прямо вот чую знакомый запашок.

Золотом из шкафа не пахло, а вот нафталином очень даже. Покойник явно был бережливым и аккуратным человеком, пересыпал вещи горстями, чтобы моль к ним даже подступиться не могла. Алтунин подошел к шкафу и остановился за широкой спиной Данилова. Тот сразу же оглянулся, подался назад и сделал приглашающий жест рукой.

– Сам погляди, тайник ровно на кубометр.

Трудовую деятельность Данилов начинал грузчиком на базе Мосгортопснаба и там наострился точно определять на глазок любой объем. Алтунин заглянул в нишу, устроенную за фанерной стенкой шкафа. Действительно около кубометра – высокая, широкая, неглубокая. Большой чемодан влезет спокойно, если поставить его на попа. А вот рацию сюда не впихнуть, аппараты не любят, когда их набок ставят. Чемоданчик с золотишком? Это сколько же будет, если на пуды перевести? Нет, наверное, все же не с золотишком, а с деньгами – личная домашняя касса. Это сколько же, если, скажем, тридцатками чемодан набить? Три чемодана? Да это же Крез какой-то, а не дантист! Дантист-аккуратист!

– Он давно в этой квартире проживал? – спросил Данилов у дворника.

– При мне все время жил, – степенно отвечал дворник, явно проникшийся важностью своего положения. – Но я тут недавно, с лета сорок четвертого, после демобилизации, еще полного года не исполнилось.

– Давно, – сказал Алтунин, вылезая из шкафа. – Лет пятнадцать, если не все двадцать.

– Это он сам тебе сказал, Вить? – поддел Джилавян. – А почему мы не слышали?

– Табличка на двери сказала, – ответил Алтунин, и не дожидаясь дальнейших вопросов, пояснил: – Старая, тяжелая, вся в завитушках, по краю узор из листочков. Двадцатых годов табличка. Нынешние потоньше и шрифт четкий, без излишеств.

Джилавян с Даниловым вышли посмотреть на табличку.

– Точно! – объявил, вернувшись, Джилавян. – Сплошные вензеля, отрывка старого режима! Значит, его это тайники, Арона Самуильча.

– Обеспеченный был человек, – подала голос вторая понятая, соседка, вызвавшая милицию. – Но не транжира. Деньгами не швырялся, как некоторые...

– Как кто? – спросили одновременно Джилавян и Алтунин.

– Как некоторые, – уклонилась от прямого ответа соседка, но потом добавила: – Которые при вагонах-ресторанах ошиваются...

– Мы с вами еще побеседуем, Анна Трофимовна, – пообещал Джилавян. – Про все побеседуем, и про вагоны-рестораны тоже. Наши люди деньгами не швыряются. Наши люди деньгам цену знают, потому как зарабатывают их трудом.

– От трудов праведных не наживешь тайников каменных, – неудачно сострил Галочкин, перемещаясь от тумбочки с телефоном к окну, точнее – к подоконнику.

– Дантисты – они как завмаги и интенданты, – скривился Джилавян, – если год поработал, то смело можно сажать, будет за что. Но это не наше дело, а соседей с пятого этажа⁵. Наше дело – убийц найти. Банду!

В том, что здесь работал не один человек, а целая группа, сомнений не было. И по общей картине, и по тому, что один человек вряд ли бы смог унести содержимое трех объемистых тайников, а главное, потому, что соседка слышала, как по лестнице спускались несколько человек. «Вроде бы трое, – неуверенно говорила она. – Или, может, четверо... Но точно не один!». Услышала, выглянула на лестничную площадку, сунулась в приотворенную соседскую дверь и обнаружила труп. Еще теплый. Если бы сразу вызвала, а то взяла и в обморок хлопнулась. Часа три потеряли, по горячим следам преступников уже не возьмешь. Разве что по теплым. Но они, сволочи, нигде не наследили, ничего не обронили. И вообще действовали аккуратнее

⁵ Имеется в виду УБХСС – Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности, находившееся на пятом этаже здания Главного управления милиции.

некуда, никакого беспорядка не наделали, ничего не разбросали. На полу только ногти покойника лежали и деревянная шкатулка, в которой, скорее всего, супруга Арона Самуиловича хранила свои цацки-побрякушки, легальную, так сказать, бижутерию.

– Циркачи! – сказал вслух Алтунин.

Слово «циркачи» стало у него нарицательным в тридцать восьмом году, когда взяли братьев Летягиных, воздушных гимнастов, в перерывах между выступлениями грабивших квартиры в центре Москвы. Действовали братья нагло и ловко – лазали по пожарным лестницам, высматривали пустые квартиры с незакрытыми окнами-форточками (дело было летом), забирались в квартиры, быстро хватали что поценнее и так же, по лестницам, уходили, не оставляя никаких следов. Три-четыре, а то и пять краж в день, милиция на ушах стояла. Очевидцы, если таковые имелись, вспоминали, между прочим, что видели на пожарной лестнице шуплого подростка. Трясли уголовную шпану, но никто не спешил сознаваться. Всплыли, было, на Тишинке две серебряные ложки, украденные в Даевом переулке, но того, кто их принес на рынок и пустил в оборот, найти не удалось. В один прекрасный день (августовский денек был действительно хорошим, солнечным, теплым) Алтунин, вспомнив про пожарные лестницы, подумал о цирке и отправился на Цветной бульвар. Да так удачно пришел, что сумел понаблюдать за репетицией двух субтильных братьев-акробатов. Внутри екнуло – они, но Алтунин не стал торопиться. Уделил братьям два дня, а на третий вместе с напарником Жорой Анчуткиным взял их в Безбожном переулке «на горячем», то есть – с поличным. С тех пор и появилась у Виктора привычка звать «циркачами» ловких воров. Про себя звать, втайне, чтобы честных цирковых артистов понапрасну не обижать. Цирк он любил.

– Мастаки! – поддержал Джилавян и начал диктовать Семенцову протокол.

– Я бы наведалься в Первый Спасоналивковский к Тольке-Гривеннику, – шепнул Алтунину Данилов. – Чую – стоит.

– Чую – зря пробегаешь, – так же шепотом ответил Данилов. – Не Толькины масштабы. Это тебе не академик Изюмов с его столовым серебром. Такой жирный хабар Толику не понесут. Он же кто? Гривенник. Кличка сама за себя говорит. Ты лучше на Трифоновский сходи, к Сильверу.

– И то верно, – согласился Данилов. – Схожу...

Одноногого скупщика краденого Борю Сопова прозвали Сильвером не за «специализацию» на серебре-золоте и прочих драгоценностях, а в честь стивенсонсовского героя, мастерски сыгранного артистом Абдуловым. Как вышел в тридцать седьмом на экраны «Остров сокровищ», так и пошли появляться Сильверы да Билли Бонсы. В Москве, как и положено столице, Сильверов было аж целых три – одноногий барыга с Трифоновского, хромой урка с Зацепы и одноногий чистильщик обуви из Столешникова айсор Каламанов.

– Слева от окна, вплотную к стене, стоит прямоугольный стол, покрытый чистой зеленой скатертью. В скобках укажи – вязаной... А что у нас на столе, Гриша?

– стакан в подстаканнике с жидкостью, похожей на чай, – ответил Семенцов, выражая лицом и тоном недовольство по поводу того, что его, словно мальчишку, экзаменуют на людях, весьма умеренное, сдержанное недовольство.

В одном из первых своих протоколов Семенцов недолго, по обыкновению своему, думая, написал: «В ушах убитой золотые серьги с рубинами». Протокол попался на глаза начальнику МУРа комиссару третьего ранга Урусову и так ему понравился, что он зачитал его на совещании. С тех пор Джилавян, которому влетело за недогляд (надо же читать, что пишут стажеры), не упускал момента макнуть Семенцова носом в лужу.

– А на блюде что? – прищурился Джилавян.

– Немного красного вещества, по виду напоминающего малиновое варенье.

– Молодец! – похвалил Джилавян. – Пиши.

– Может, я это... подпишу там внизу и пойду? – подал голос заскучавший дворник. – А то сейчас управдом проснется, увидит, что меня во дворе нет и сразу начнет орать. Управдом у нас лютый!

– Аспид! – подтвердила соседка. – Я, может, тоже пойду?

– Подождите оба! – осадил их Джилавян. – Мы скоро закончим.

Дворник вздохнул, соседка недовольно поджала губы. Они еще не знали, что Джилавян заберет их с собой в МУР, чтобы допросить как следует и составить впечатление. Он их и в понятия пригласил только для того, чтобы были на глазах. Тот, кто нашел труп, всегда на подозрении, а дворники, они или в сообщниках-наводчиках у бандитов состоят или видели что-то интересное...

Самое интересное выяснилось на утреннем совещании у начальника отдела. Оказалось, что гражданин Шехтман Арон Самуилович, одна тысяча восемьсот восемьдесят третьего года рождения, место рождения город Шклов Могилевской губернии, еврей, беспартийный, из мещан, находился под пристальным наблюдением УБХСС.

– Крупнейший московский валютчик, – рассказывал пришедший от соседей сотрудник в щегольском люстриновом костюме с широченными лацканами. – Акула, зубр. Мы его пасли аж с декабря сорок третьего, связи выявляли. Буквально на днях собирались накрыть всю шайку разом – в Москве, в Батуме, в Ташкенте и в Свердловске...

Капитан Данилов уважительно присвистнул, отдавая должное масштабам, и тут же наткнулся на строгий начальственный взгляд, посвисти, мол, у меня.

– По имеющимся у нас данным, Шехтман готовился залечь на дно, – продолжал сотрудник. – Две недели назад он приобрел у известного нам и вам гражданина Везломцева по кличке Пономарь два поддельных паспорта, два диплома, две трудовые книжки, два военных и профсоюзных билета... короче говоря – два полных комплекта документов на фамилии Пытель и Кобуладзе...

Тимофей Везломцев, он же трижды судимый рецидивист по прозвищу Пономарь, изготавливал поддельные документы высочайшего качества и не оформлялся на четвертую ходку только потому, что о каждом покупателе исправно сообщал в милицию. В МУРе шутили, что Пономаря пора принимать в штат, столько раскрытий он обеспечил. Пономаря берегли, брали его клиентуру не сразу, чтобы не создавалось впечатления насчет того, что Пономарь ссучился и стучит. Сотрудничать с органами Пономарь начал по причине ослабшего здоровья, когда понял, что со своим туберкулезом четвертого срока уже не потянет.

– Но кто-то вас опередил! – начальник отдела майор Ефремов хлопнул по столу своей широкой ладонью и обвел сотрудников многозначительным взглядом. – Кто? Я, товарищи, не могу исключить утечки. Не мо-гу!

Сотрудники согласно закивали – да, бывает. Как не приглядывайся к людям и их анкетам, в душу им все равно не заглянешь. В прошлом году в МУРе выявили сразу двоих «паршивых овец» – капитана Воронина из отдела по борьбе с мошенничеством и старшего лейтенанта Замарова из отдела по раскрытию краж. Воронин состоял на довольстве у шайки Кости Фиксатого, был кем-то вроде штатного информатора, а Замаров самолично сколотил и возглавил банду, грабившую продовольственные склады. Сорок два ограбления за полгода, восемнадцать трупов, тонны украденного продовольствия – не фунт изюму!..

После совещания Алтунина перехватил в коридоре эксперт Левкович, за удобу и сутулость прозванный Знаком Вопросы. Ухватил под руку (тощий, а сила в руках есть), отвел в уголок и, уводя, по обыкновению, глаза в сторону, спросил:

– Ты, говорят, на Вторую Мещанскую ночью ездил? К Шехтману?

– К трупу Шехтмана, – уточнил Алтунин. – А что?

– Да так, – замялся Левкович. – Он мой знакомый, не очень близкий, но все же знакомый... В гости мы друг к другу не ходили...

– Зубы у него, что ли, лечил?

– Зубы, – кивнул Левкович. – Что же еще лечить у Арона Самуиловича. – И я лечил, и мама моя лечила...

Левкович, несмотря на то, что ему уже перевалило за сорок, был холост и жил с матерью.

– Золотые руки! Это же были золотые руки! В прямом смысле слова...

Алтунин подумал о том, что прямой смысл у каждого свой, но комментировать не стал. Не положено посвящать посторонних в обстоятельства дела, пусть это даже и Фима Левкович, эксперт НТО⁶, свой в доску. Таковы правила.

– А кто это его – не ясно еще? – Левкович удивил заинтересованностью в голосе и тем, что, вопреки своей привычке, посмотрел прямо в глаза Алтунину. – Кто убил Арона Самуиловича, Вить?

– Пока нет никакой ясности, – ответил Алтунин и добавил свое обычное присловье: – Будем работать.

– Ты уж держи меня, по возможности, в курсе дела, ладно? – попросил эксперт. – Не чужой ведь человек, нам с мамой будет приятно... то есть – нам очень важно знать, что убийцы пойманы и понесут...

– Заслуженное наказание! – закончил Алтунин. – Я тебя понял, Фима. Как поймаем убийц – шепну. Только ты меня больше в коридоре не подстерегай, ладно? Не люблю я, когда на меня засады устраивают.

– Да я просто мимо шел! – загорячился Левкович. – Мимо шел, вижу ты идешь дай, думаю, спрошу...

– Я видел, как ты шел, – перебил его Алтунин. – Ты стоял у стены, Фима, и делал вид, что интересуешься наглядной агитацией. А когда увидел меня, то пошел мне навстречу. Кому ты врешь, Фима? Мне? Постыдился бы...

Левкович зарделся, словно девица на выданье, виновато вздохнул и развел руками, изображая раскаяние.

«Что у тебя за интерес? – подумал Алтунин, наблюдая за тем, как задергалось левое веко собеседника. – Когда Валю-буфетчицу на Неглинной зарезали, ты, друг ситный, обстоятельствами и поимкой убийц не интересовался. Несмотря на то, что с Валею у вас был недолгий роман и порции она тебе по старой памяти накладывала царские. А тут вдруг – не чужой ведь человек, зубы я у него лечил...»

⁶ Научно-технический отдел.

3

Согласно инструкции, во время перевозки ценных грузов можно игнорировать сигналы орудовцев, если того требует обстановка. Тебе доверили – так довези по назначению, ты за груз головой отвечаешь. И головой же соображай, когда стоит останавливаться, а когда нельзя. Но старшина-орудовец, стоявший на пересечении Большой Черкизовской и Халтуринской был один, никого вокруг – ни людей, ни машин, подянки можно не опасаться. К тому же выражение лица у старшины было тревожное, напряженное, и жезлом своим он махал строго-пре-строго. Ясно – что-то случилось впереди, может, – авария, может, – оцепление выставили, а может, и самолет упал, такое тоже случалось, аэродром-то рядом.

– Останови, – коротко приказал старший лейтенант, и сержант-водитель послушно нажал на педаль тормоза.

Двигатель, однако, выключать не стал. Бойцы, дремавшие на заднем сиденье, встрепенулись и взяли автоматы наизготовку. Никто не собирался выходить навстречу орудовцу, дверцы оставались закрытыми, только водитель наполовину приспустил стекло со своей стороны.

– Впереди авария, товарищи! Дорога перекрыта! – кричал орудовец, приближаясь быстрым шагом. – Автобус перевернулся!

– Какой еще автобус? – удивился водитель. – Рано еще...

Для рейсовых автобусов действительно было рано – половина пятого утра, но кроме рейсового транспорта существует еще и разный другой. Старший лейтенант открыл было рот, чтобы сказать это водителю, но не успел, потому что встревоженный старшина вдруг скинул с себя мешковатую гимнастерку и дал по машине очередь из неизвестно откуда появившегося у него автомата...

– Там будут четверо, – инструктировал Иван. – У всех – ППШ, люди серьезные, такие сначала стреляют, потом уже думают, что случилось. Учти, Кольша, ты должен выстрелить первым!

– А почему я? – спросил Николай, которого невероятно раздражало это дурацкое «Кольша». – Остап стреляет лучше меня, я – технарь, а не стрелок.

Иван не Алексей, с ним можно и поспорить. Хотя бы для того, чтобы немного сбить с него спесь. Удивительный все же народ, эти урки. Перед Алексеем бегают на цыпочках, лучась преданностью, а сейчас раздухарился, командира из себя корчит, даже, кажется, ростом выше стал.

– Остапа нельзя, – покачал головой Иван. – Такого бугая увидят – сразу насторожатся. Нужен какой-нибудь хлюпик, чтобы не вызывать подозрений. Хлюпик на ровном месте... Ха-ха-ха!

Недалекие люди плоско пошутят и сами же посмеются над своей шуткой.

– Да ты не хмурься, Кольша! – сдал назад Иван, заметив, как изменилось лицо Николая. – На ровном месте – это в смысле чтобы все вокруг хорошо просматривалось и ничего не настораживало. Чтобы пальцы на спусковых крючках не держать... Ну, ты меня понял.

Николай все понял – его элементарно подставляли под пули. Ловля инкассаторов на живца, только вместо мелкой рыбешки он, Валентин Андреевич Дробышев по кличке Николай, агент несуществующего уже абвера, солдат капитулировавшей армии, неудачник, которому так нравилось ощущать себя победителем. Да и сейчас нравится, иначе бы не связывался с Иваном и Остапом.

– Твоя задача – остановить их и сделать так, чтобы они не смогли ехать дальше, – объясняя задачу, Иван невольно подражал Алексею, старался говорить четко, веско, но получалось у него не очень убедительно. – Первым ты должен завалить водилу. С трупаком на водитель-

ском сиденье никуда они не денутся, а пока вытолкнут его, да пересядет кто – мы уже будем тут как тут...

Ничего принципиально нового Иван придумать не мог, только обезьянничал. Тот же план, что был у Алексея при апрельской акции, – машина стоит в отдалении и подъезжает после того, когда цель остановилась. Но там было одно, а здесь другое... Плохо, конечно, что нельзя обстрелять машину инкассаторов на ходу, не останавливая, не приближаясь. Но так легко можно остаться без добычи. Во-первых, инкассаторы могут уйти. Эмка не самая быстрая машина, но все же... Во-вторых, и это главное даже, чем, во-первых, может пострадать груз. Это же один-два ящика, деревянных или металлических, а может быть, просто опечатанный чемодан. Если машина перевернется, то добычу придется собирать по всей Большой Черкизовской. Точнее, не придется, потому что никто не даст этого сделать, – «налетят и повяжут», как выражается Иван. А если пуля попадет в бензобак, то и собирать будет нечего... Поэтому надо сделать так, чтобы инкассаторы остановились и не смогли бы поехать дальше.

– На все про все у нас будет не больше трех минут! – заключил Иван.

– Я бы даже сказал – не больше двух, – поправил его Остап. – Две точно есть – пока услышат выстрелы, да сообразят, да подъедут... Но нам хватит, верно, Николай?

– Должно хватить, – поосторожничал Николай.

На подходе к инкассаторской эмке к кобуре лучше вообще не тянуться – застрелят. Да и толку от пистолета будет немного, здесь нужен автомат. И вешать не себя его не стоит. Иван прав – орудовец должен выглядеть безопасным.

Среди многочисленного арсенала группы было четыре маленьких автомата MP-100, внешне похожих на столь полюбившиеся чекистам маузеры. Удобная штука. Сделана под люгерровский патрон⁷, двадцать штук в магазине, весит меньше двух килограмм, можно в кармане спрятать, если карман достаточно велик, но при том прицельно бьет на двести метров.

В знакомом еще с довоенных пор скобяном магазине на улице Кирова Николай купил несколько кожаных ремешков и сделал из них нечто вроде набедренной кобуры. Нацепил на левое бедро, приладил автомат, натянул галифе, придирчиво оглядел себя в зеркало. Сойдет, если не садиться, а садиться он не станет. Сделал на левой штанине галифе продольный прорез, симметрично прорезал гимнастерку. Лезть в карман, задирая гимнастерку, нельзя, это все равно же, что в кобуру лезть, – пристрелят. А вот незаметно рукой скользнуть вполне можно – не заметят. Не должны заметить, потому что внимание будет отвлечено на жезл в правой руке. Внимание всегда отвлекается на правую руку. Бессознательно. На этом вся система ножевого боя основана. И не ножевого тоже. А потом отшвырнуть жезл, перехватить автомат обеими руками и выстрелить. Доли секунды, неуловимые мгновения.

Николай немного потренировался вытаскивать автомат. Сначала стоя, потом – на бегу. Буквально с третьей попытки выработался автоматизм, словно всю жизнь этим занимался. В свое время радиодело давалось куда труднее.

Риска Николай не боялся, он вообще был не из трусливых. Среди радистов, которых очень часто «берут» во время радиосеансов, трусов практически не бывает, потому что трусам в радисты путь заказан. Да и в абвер тоже заказан. В лучшем случае трусов отправляют обратно в лагерь, обрекая на медленную смерть, в худшем, если трусость проявилась не сразу, расстреливают на месте. Или пристреливают. Немецкие командиры очень любят это дело – достать из кобуры парабеллум и застрелить провинившегося. Вся их хваленая германская дисциплина на страхе стоит. Ну и на таких упертых кретинах, как Алексей. Война уже закончилась, война уже месяц, как проиграна, а ему, видишь ли, надо выполнить задание. У них с Константином, видите ли, со Сталиным свои счеты. Смешно! Иван, хоть и урка, отброс общества, а на жизнь

⁷ Пистолетный унитарный патрон 9×19 мм. парабеллум, разработанный в 1902 году австрийским оружейником Г. Люгером под пистолет «Люгер-Парабеллум».

смотрит правильно, с практической точки зрения. О будущем думает, о том, как жить дальше. И, несмотря на три свои отсидки и расстрельный приговор, личных счетов к Сталину не имеет. Ну какие тут могут быть личные счета? Это у фюрера со Сталиным могли быть счета, как у равного с равным.

Иван и Остап задумку одобрили, а Павел, осмотрев кобуру, качнул головой, что означало у него, рыбьей души, высшую степень восхищения, и сказал:

– Телай патент!

«Ну его на хрен, этот патент, – подумал Николай. – Если все пойдет, как задумано, то я и без патентов проживу припеваючи. А если нет, то на нет, как говорится, и суда нет».

Алексею сказали, что заместитель директора Конышев просил съездить на денек в Карачарово, помочь его знакомому директору инструментального завода с наладкой оборудования. В пятницу после обеда уехали, в субботу, к обеду же, обещали вернуться. На самом же деле ни в какое Карачарово тащиться не стали, а перебрались в Измайлово, в сарай к какому-то Иванову знакомому, седому горбоносому старику, которого Иван называл папашей, – то ли уважение проявлял, то ли кличка у старика была такая. Выпили по сто пятьдесят за успех будущего дела, закусили как следует, поспали и выдвинулись «на позиции».

Алексей поверил и возражать не стал, потому что пролетарии, отказывающиеся от выгодных подработок, вызывают закономерные подозрения у окружающих. Это в книжках все сознательные надрываются за идею, а в реальной жизни страной правит не идея, а рубль. С Конышевым Иван договорился, чтобы подтвердил, если Алексей будет его спрашивать. Иван с Конышевым старые приятели, хоть и непонятно, что может быть общего у заместителя директора завода с вором-рецидивистом. Впрочем, у самого Николая с Иваном тоже ничего общего по идее быть не должно. А ведь есть. Общее дело, даже целых два общих дела...

Водитель и старший лейтенант были убиты наповал. Ближний к Николаю боец, сидевший на заднем сиденье, принял в себя все пули, благодаря чему его товарищ остался жив. Мертвый подался вперед, оперевшись головой в спинку водительского кресла, а живой, прячась за ним, как за укрытием, короткой очередью выстрелил в Николая.

Одна пуля попала в шею, а другая в грудь. Николай не сразу понял, что его ранили. Боли в первый момент не было, просто земля вдруг ушла из-под ног, опрокинулась, а голубое небо опустилось так низко, что до него можно было достать рукой. Николай так и сделал – протянул вперед правую руку, но небо, словно дразнясь, ушло куда-то назад и стало черным. Глаза заволкло черной тьмой, уши заложило ватой, но тренированное сердце конькобежца-разрядника пока еще продолжало биться.

Оставшийся в живых боец выскочил из салона, дал две короткие очереди в воздух и присел возле открытой дверцы, ожидая дальнейших событий. Если бы он побежал прочь от эмки, то мог бы спасти жизнь, правда, ненадолго. Оставлять ценный груз без охраны категорически запрещалось, нарушителей приказа ждал расстрел. Подъехавшую эмку, тоже черную, как и большинство эмок, боец принял за подмогу и потому стрелять по ней не стал.

Остап снял бойца одним метким выстрелом, сделанным еще на ходу. Вторым выстрелом он уложил на землю мужчину в военной форме без погон, который, скорее всего, прибежал на шум от стоящих невдалеке двухэтажных барачков. Павел остался сидеть на своем месте, а Иван с Остапом подбежали к машине инкассаторов и споро, не сделав ни одного лишнего движения, перегрузили из нее в свою тяжелый деревянный ящик зеленого цвета с белой надписью: «УПУ Госбанка СССР» на крышке. Удача возбудила их настолько, что они не сразу услышали шум подъезжающего мотоцикла, и только громкий окрик Павла привел их в чувство.

– Пыстро! – поторопил Павел.

– Стоять! – оглушительно, на всю улицу, крикнул милиционер, сидевший в коляске мотоцикла, и выстрелил в воздух из пистолета.

Это было ошибкой – следовало стрелять в Ивана, который еще не успел сесть в машину. Иван скосил обоих милиционеров длинной очередью, опустил на сиденье рядом с Павлом, и не успел еще хлопнуть дверцей, как машина сорвалась с места и помчалась в сторону Просторной улицы. Пока Иван стрелял по милиционерам, Остап дал очередь по лежащему навзничь Николаю и уселся на заднее сиденье. Дуло автомата он выставил в открытое окно и прикрыл рукой.

Пронесло. Погоня не увязалась, только возле завода «Красный богатырь» наперерез эмке выскочил милиционер, звания которого никто не разглядел. Павел, не потеряв ни капли самообладания, слегка вильнул рулем влево и милиционера отшвырнуло прочь.

– Ловко! – похвалил Иван, научившийся водить машину в разведшколе, но так и не полюбивший этого занятия.

Павел никак не отреагировал. Зато Остап сдержанно порадовался:

– Ящик вроде тяжелый был. И делить теперь на троих...

– На четверых, – не оборачиваясь, поправил Иван. – И погоду радоваться, сначала надо посмотреть, что там внутри.

– Даже если только золото! – страх отошел, дело сделано, добыча взята, и настроение Остапа улучшалось с каждой секундой. – Даже если на четверых, то все равно хорошо! Добавить к тому, что в прошлый раз взяли, – и можно жить!

– Жить?! – удивленно переспросил Иван после небольшой паузы. – Ты что, смеешься? Ящик весит столько же, сколько начинка, если не больше. На настоящую жизнь, такую, чтобы ни в чем себе не отказывать, этого не хватит. На настоящую жизнь нужно гораздо больше. Верно я говорю, Паша?

– Верно, – кивнул Павел, не отрывая взгляда от дороги. – Чем больше, тем лучше. Торога тальня, места незнакомые...

– Люди вокруг чужие, – подхватил Иван. – И вообще, другого шанса у нас не будет, так что этот мы должны использовать на всю катушку. Клещ мне еще две наводочки обещал дать.

– Какие? – заинтересовался Остап.

– Разве ж он скажет? – обернулся Иван. – Пока свою долю не увидит, ничего не скажет. Клещ не фраер. Но твердо обещал.

– Унесем ли все? – рассмеялся Остап.

– Свое не тянет! – сверкнул фиксой Иван. – Унесем. Было бы что нести. Тем более, что не пешком на ту сторону ломанемся. Денег много не бывает. Слыхал такую поговорку?

– Слыхал.

Иван сел ровно, хлопнул себя ладонью по колену и напомнил:

– Алексею говорим, что обратно возвращались порознь. Николай уехал первым и больше мы его не видели. Как собирался ехать, он нам не сказал.

– Не сказал, – повторил Остап.

Павел кивнул, давая понять, что все понял.

Объяснение было предельно простым и не вызывающим подозрений. Обычно так и перемещались по городу – порознь или, максимум, по двое. Толпа из четырех человек невольно обращает на себя внимание. Ушел Николай – и пропал. Мало ли что.

Убиваться или печалиться по погибшему никто не собирался. Потери неизбежны, можно только радоваться тому, что смерть сегодня пришла за другим. И тому, что неожиданно увеличилась твоя доля.

Некоторое время ехали молча.

– Куда машину? – спросил Павел, когда проезжали Сокольники.

– Брось где-нибудь, – велел Иван. – На новое дело на новой машине поедем. Так риска меньше.

– Береженого и Бог бережет, – поддержал Остап.

Осторожничали по привычке, уже давно ставшей инстинктом. Все трое были уверены, что никто, кроме покойников, их не видел и описать не сможет, но велик ли труд украсть автомобиль? Для рискованного и умелого человека – никакого труда.

Никто из троих не сомневался в том, что Николай мертв. Во-первых, лежал он без движения, не шелохнувшись, во-вторых, Остап, из предосторожности, добил его.

Алексей воспринял исчезновение Николая на удивление спокойно. Даже не спокойно, а безразлично. Всех удивило, что командир не приказал перебираться на новое место, хотя, по правилам, после исчезновения одного члена группы полагалось переходить на новое место. Полагалось, но Алексей не стал торопиться, потому что с надежными местами в Москве было плохо, можно сказать, – совсем никак. Первую явку оставили после апрельской акции и больше на ней не появлялись, перешли на запасную – частный дом в подмосковном Загорске и стали готовиться к уходу. Когда же выяснилось, что акция провалена, возникла потребность в новом убежище, таком, откуда можно беспрепятственно уходить и столь же беспрепятственно туда возвращаться в любое время, таком, где группа из семи человек могла провести некоторое время, не вызывая особых подозрений. Дом в Загорске для этой цели не годился совершенно сразу по трем причинам. Во-первых, сильно нервничал хозяин, старый, еще с дореволюционного времени, сотрудник немецкой разведки. Пережив одно поражение Германии, он уже был не в силах пережить второе. Второго мая пал Берлин, и у хозяина явки случилась истерика. Пришлось от него избавиться и уйти. В запасе было еще три явки, но две из них оказались проваленными, не было там условленных знаков безопасности, а третья встретила свежим пепелищем – агент явно запаниковал, поджег свой дом и подался в бега.

Московский информатор с жильем помочь не мог. Или не хотел помогать, потому что это не входило в его прямые обязанности. С другой стороны, надежные явки создаются загодя, а не так вот, в экстренном порядке. Неожиданно выручил Иван, оправдывая предусмотрительность начальства, включившего его в группу. Нашел через одного старого знакомого чудесное место, идеальное со всех точек зрения, с какой не взгляни. Большая территория, которую невозможно незаметно блокировать, множество выходов на разные улицы – через забор перелезть ничего не стоит, сразу две железнодорожные ветки рядом и убедительное, ситуационно верное, основание для пребывания. Не убежище, а мечта диверсанта. Если несколько раз подряд не везет, то потом повезет непременно – проверено на собственном опыте. К тому же, внезапное исчезновение семерых человек могло вызвать подозрения у дирекции и повлечь за собой нежелательные последствия. Объяснить же отсутствие одного Николая нетрудно. Можно сказать, что у Николая заболела жена и он был вынужден срочно уехать. Алексей прислушался к своей интуиции, которая никогда его не подводила. Интуиция предпочла промолчать. «Сбежал, негодяй, просто взял и сбежал», – решил Алексей и не стал срываться с удобного, обжитого места в никуда. Некуда идти, не по вокзалам же, в конце концов, разбредаться.

Алексей никогда не доверял русским. Сотрудничал, использовал, но не доверял, считая всех неарийцев недостойными доверия. Исключение мог сделать лишь для избранных, таких, как Константин, людей старой, имперской, закалки, людей твердых взглядов, чье сознание не замутнено, не отравлено красной пропагандой. Пропаганду Алексей не жаловал никакую – ни красную, ни нацистскую, ни англо-американскую. Пропаганда предназначена для быдла, настоящие люди знают свой долг и умеют следовать ему во что бы то ни стало. Всегда, при любых обстоятельствах...

Нападение на инкассацию Управления полевых учреждений Госбанка, перевозившую трофейные ценности на сумму в восемьсот шестьдесят семь тысяч рублей девяносто четыре копейки, это не просто происшествие, а Происшествие с большой буквы, из числа тех, о которых докладывают на самом верху. Три часа понадобилось для того, чтобы проверить паспорт Николая, узнать о том, что такой гражданин никогда не был прописан в подмосковном Реутове ни по улице Ленина, ни по какой-то другой улице и что паспорт у него не поддельный. Не кра-

деный с переклеенной фотографией, а именно поддельный. Качественную немецкую работу сразу видно.

Николая, стараниями энкаведешных медиков пришедшего в сознание, передали товарищам из НКГБ. Из-за тяжести состояния арестованного перевозить его из одной тюремной больницы в другую не рискнули, просто выставили дополнительный караул у дверей палаты. Отвечать на вопросы «по-хорошему» Николай не пожелал. Пересыпая речь блатными выражениями, не всегда употребляемыми в правильном ключе, он пытался сойти за уголовника, честного вора, не желающего выдавать своих подельников. Ему не поверили. Тяжесть состояния Николая сузил арсенал спецсредств до минимума, то есть – до психотропных веществ. Получив в вену два кубика амиталамина⁸, Николай сделался разговорчивым, назвал свое настоящее имя и рассказал о том, что является членом диверсионной группы, заброшенной в апреле этого года с заданием убить товарища Сталина. Рассказал он и о неудавшемся покушении в четверг двадцать шестого апреля, и о том, что, несмотря на окончание войны, готовится новое покушение во время Парада Победы.

– Замечательная задумка! – восхищенно, вздохнул Николай. – Просто замечательная! Война закончилась! Парад! Никто не ждет! Но войны никогда не кончаются! Войны только начинаются! Война не может закончиться, пока жив хотя бы один солдат! Победа – это миф! Победа – это не точка, а запятая! Запятая!..

Амиталамин улучшает настроение и вызывает огромное, непреодолимое желание разговаривать. Полезная информация перемежается с обилием ненужных слов, настоящим словесным поносом, и с этим приходится мириться.

Когда действие препарата пошло на спад, майор, проводивший допрос, приказал ввести еще одну дозу амиталамина. Перед глазами майора уже маячили комиссарские погоны, а врач прослужил в системе достаточно долго и твердо усвоил, что приказы никогда не обсуждаются.

– Где ваше логово? – спросил майор, невольно впадая в совершенно неуместный пафос.

– Логово? – заулыбался Николай. – Разве мы звери? Это у медведя логово, он там лапу сосет. А у нас с продуктами все в порядке, едим досыта...

На лбу его выступила испарина, бледное лицо посерело, голос стал тише, язык начал заплетаться.

– М-мы не м-медведи, м-мы в-волки, цепные п-псы фюрера...

– Где?! – нетерпеливо тряхнул за плечо майор.

– В п-п...! – нецензурно срифмовал Николай, который на самом деле был не Николаем, а Валентином и, будучи не в силах что-то утаивать от столь внимательных слушателей, добавил: – В М-марьиной Роще, г-где т-темные ночи...

Глаза Николая закатились вверх, он хрипло вздохнул, замер на мгновение и безвольно откинул голову вправо, словно отвернулся от допрашивающего.

Более получаса медики, подстегиваемые истеричными выкриками майора, пытались вернуть Николая к жизни, но их усилия не увенчались успехом.

– Сука фашистская! – колотил кулаками по подоконнику майор. – Улицу бы еще сказал и номер дома... Гад!

⁸ Название вымышленное.

4

Берия вошел в приемную и по взгляду поднявшего голову Поскребышева⁹ понял, что Сталин еще занят. Часы показывали два часа ночи.

– Кто? – спросил Берия.

– Молотов и Маленков, – ответил Поскребышев и снова уткнулся в бумаги.

Берия сел на стул, положил на колени свою черную кожаную папку, с которой практически никогда не расставался, прикрыл глаза и стал ждать.

Ждать пришлось недолго – через пятнадцать минут Молотов с Маленковым ушли. Молотов кивнул Берии, он всегда кивал при встрече или тянулся рукой к шляпе, сколько бы раз на дню они ни встречались, а вот рукопожатий по старой интеллигентской привычке избегал. Маленков предпочел притвориться погруженным в собственные мысли. Не так давно, в марте, у Берии был с ним разговор, касающийся недостатков в снабжении фронта самолетами. Маленков, то ли желая выслужиться, то ли из-за своей самонадеянности, хватался за многое, но не на все его хватало. Секретарь ЦК, начальник Управления кадров ЦК, руководитель Комитета по восстановлению освобожденных районов, руководитель Комитета по демонтажу немецкой промышленности, куратор авиационной промышленности и ответственный за снабжение армии самолетами... Взялся – так тяни. Летчики не раз и не два жаловались на то, что часть новых самолетов приходит с заводов в состоянии, негодном к эксплуатации, приходится уже на месте доводить их до ума. Видно было, что это не отдельные случаи, а система – халатность или нечто большее. Маленков обещал разобраться, только руки у него, вечно занятого, все никак не доходили до самолетов. Пришлось напомнить. С тех пор Маленков обиделся и свел общение с Берией до минимума. Обращался только по работе и то предпочитал переписку разговором. «Обижайся, не обижайся, – подумал Берия, провожая взглядом широкую мясистую спину Маленкова, – а за ошибки отвечать придется. Война закончилась, а вопросы остались...»

Когда Берия вошел, Сталин раскуривал трубку. Малахитовая пепельница, подарок свердловских рабочих, была полна пепла и пустых папиросных гильз. Однажды, во время совещания, Каганович то ли в шутку, то ли всерьез сказал, что надо дать указание директору табачной фабрики «Ява», чтобы наладил выпуск трубочной «герцеговины» в коробочках. Так, мол, проще и удобнее. «Когда народу будет надо – наладит», ответил Сталин, давая понять, что из-за одного человека, кем бы он ни был, налаживать выпуск новой продукции не стоит.

– Что у тебя? – устало спросил вождь, указывая глазами на один из двух ближних к нему стульев, что протянулись в две шеренги вдоль стола для совещаний.

Берия сделал вид, что не заметил приглашения. Докладывать он предпочитал стоя. Сидя можно совещаться, обсуждать вопросы.

– Товарищ Сталин, – сказал он негромко. – Сегодня, то есть – уже вчера утром, в четыре часа тридцать пять минут на пересечении Большой Черкизовской и Халтуринской улиц было совершено нападение на машину инкассаторов Управления полевых учреждений Госбанка, перевозившую трофейные ценности на сумму в восемьсот шестьдесят семь тысяч рублей девяносто четыре копейки с аэродрома Чкаловский в здание Гохрана в Настасьинском переулке. При нападении убиты все четверо сопровождавших груз. Был захвачен один из нападавших, раненый в перестрелке. Им оказался Валентин Петрович Дробышев, одна тысяча девятьсот девятнадцатого года рождения, житель города Москвы, призванный в августе сорок первого в тридцать первый отдельный саперный батальон четырнадцатой армии и пропавший без вести седьмого января сорок второго года во время Медвежьегорской наступательной операции...

⁹ *Поскребышев Александр Николаевич* (1891-1965) – личный секретарь Сталина, заведующий канцелярией генерального секретаря ЦК ВКП(б), заведующий особым сектором ЦК ВКП(б).

– Дробышев? – перебил Сталин, пыхнув трубкой. – Есть у нас такой картограф, профессор Дробышев¹⁰, знаешь?

– Не родственник, – ответил Берия. – Совсем другой Дробышев, отец математику в школе преподавал, умер в марте сорок второго, а мать жива до сих пор, работает корректором в редакции газеты «Вечерняя Москва». Сына не видела со дня призыва. И уже не увидит, потому что вчера вечером в семнадцать двадцать Дробышев умер...

– Восемьсот шестьдесят семь тысяч рублей девяносто четыре копейки – большая сумма, – сказал Сталин. – Уже нашли?

– Ищем, товарищ Сталин, но я пришел по другому вопросу. Во время допроса в больнице Дробышев признался в том, что является членом диверсионной группы абвера, заброшенной в апреле сорок пятого года на нашу территорию с задачей убить вас.

– Какой задачей? – переспросил Сталин.

– Убить вас, товарищ Сталин! – немного громче повторил Берия и рассказал все, что удалось узнать от вражеского агента.

Сталин выслушал, затянулся трубкой, выпустил клуб ароматного дыма и сказал:

– Да ты сядь, Лаврентий, не стой над душой! В ногах правды нет.

От прямого приглашения отказываться было нельзя, да и доклад закончился, поэтому Берия сел. Папку он положил перед собой, но раскрывать не спешил.

– Тогда, в апреле, – это были они? – спросил Сталин.

В апреле сорок пятого года на Можайском шоссе неизвестные лица напали на резервный кортеж вождя. Быть в резерве не означает бездействовать. Подобно тому, как запасные игроки тренируются вместе с остальными, резервные автомобили регулярно выезжают «на линию», причем выезд этот обставляется точно так же, как и реальный выезд вождя, разве что охраны может быть чуть меньше.

Чуть... Но не треть от реального состава. И нельзя расслабляться во время учений, иначе потом начнутся проблемы в бою.

В тот день слетело с плеч много погон. Тревога не бывает ненастоящей, даже если она учебная. К обеспечению проезда резервного кортежа надо относиться столь же ответственно, как будто в нем едет вождь.

– Вероятно, – осторожно ответил Берия.

Нападавшие оставили после себя один труп с наполовину обезображенным пулевым ранением лицом. Мужчина лет тридцати пяти – тридцати семи, не проходивший по приметам и отпечаткам пальцев ни по одной из картотек. Предположительно славянин, но это еще бабушка надвое сказала. Это гитлеровские шарлатаны с помощью циркуля определяли национальность, мы так не умеем.

– И никого больше не нашли? – удивился Сталин.

Берия отрицательно покачал головой.

– А я думал, нашли, – губы вождя тронула усмешка, почти незаметная под густыми усами. – Раз не докладывают, значит, все в порядке. Никого больше не взяли?

– Предположительно думали на одну группу, которую ликвидировали второго мая в Серпухове, – сказал Берия не ради того, чтобы как-то оправдаться перед вождем, а просто вводя в курс дела. – При них обнаружили два облегченных гранатомета, конструкция которых была принципиально схожей с теми, что попали в наши руки в сорок третьем. Эксперты подтвердили, что заряд из такого гранатомета мог бы пробить стекло особой прочности, как это случилось со всеми тремя машинами. Но, поскольку живым никого из диверсантов мы взять не смогли, уточнить информацию было невозможно. Но поиски продолжаются...

¹⁰ Имеется в виду Федор Васильевич Дробышев (1894-1986) – советский геодезист, картограф, специалист в области фотограмметрии.

– Тэвзи цкалши ар дапасдеба¹¹, – сказал по-грузински Сталин, которому эта пословица нравилась больше русской про шкуру неубитого медведя, да и смысл у нее был другой, а затем снова перешел на русский: – Если тогда не докладывал, то зачем сейчас пришел? Работайте, ищите, я же вам не мешаю...

– Я по поводу парада пришел, товарищ Сталин, – сказал Берия, чувствуя, как внутри потянуло холодком.

– А что с парадом? – прищурился Сталин. – Советуешь отменить, потому что какой-то диверсант чего-то там наговорил?

Берия встал и одернул на себе китель.

– Товарищ Сталин! – громче обычного сказал он. – Делается все возможное для того, чтобы диверсанты были обезврежены как можно скорее. Но никто не может гарантировать, что в наше поле зрения попадут все диверсионные группы врага. Все мы знаем, что перед крахом Гитлер шел на любые ухищрения, лишь бы отсрочить свой неминуемый конец. Не исключено, что диверсионных групп могло быть несколько...

– Не исключено, – согласился Сталин и тоже встал. – Продолжай, Лаврентий, только покороче.

– Считаю целесообразным просить вас, товарищ Сталин, не принимать личного участия в параде! – выпалил Берия и замер в ожидании реакции вождя.

Реакция могла быть разной, очень разной, но он никак не мог ожидать того, что Сталин начнет смеяться и даже ладонью на него укажет, так, как это делают в Грузии, когда хотят сказать: «Эй, люди, посмотрите на этого чудака!»

– Не принимать, говоришь? – спросил, отсмеявшись, Сталин. – Отсидеться здесь, а потом посмотреть кинохронику? Разве я, как Верховный Главнокомандующий, не заслужил чести увидеть наш парад победителей? Ты не заболел, Лаврентий? Не переутомился? Может, тебе стоит в Крым съездить, отдохнуть хотя бы пару недель, а?

Берия стоял навытяжку и молчал.

– Не слышу ответа, Лаврентий, – Сталин начал расхаживать по кабинету. – Понимаю так, что тебе нечего ответить. Тогда слушай, что я скажу. Хорошо еще, что ты не предложил отложить парад на месяц-другой. Это уже ни в какие ворота не полезло бы. Люди готовятся, люди ждут, а мы им скажем: «Извините, товарищи, в связи с тем, что наши доблестные органы не успели переловить всех вражеских недобитков, парад откладывается». Смешно? Подожди, не возражай! Я помню, что ты предложил не отменять парад, а провести его без меня. И как мы это объясним народу? Солдатам как объясним? Они пройдут по Красной площади и не увидят своего Главнокомандующего? Что они подумают? Что мне неинтересно? Что я занят более важными делами? Что я заболел?

Сталин раздраженно пыхнул трубкой.

– Я думал об этом, товарищ Сталин, – воспользовавшись паузой, быстро сказал Берия. – У нас есть актеры, например Гольдштаб или Геловани, коммунисты, надежные люди...

– В этом кабинете, Лаврентий, шутить не принято! – повысил голос Сталин. – Шутить надо за столом, в перерывах между тостами. Я буду на параде независимо от того, сколько диверсантов вы успеете поймать. Это не обсуждается! Хочешь сказать что-то еще?

– Нет, товарищ Сталин! – ответил Берия, понимая, что возражать бесполезно. – Разрешите идти?

– Не разрешаю, – строго сказал Сталин. – Поедем на Ближнюю дачу, покушаем, там меня Жуков с Новиковым¹² и Артемьевым¹³ ждут, заодно и о подготовке к параду поговорим.

¹¹ Рыба, плавающая в воде, ничего не стоит (*груз.*)

¹² Главный маршал авиации Александр Новиков.

¹³ Генерал-полковник Павел Артемьев командующий войсками Московского военного округа.

5

Указание пришло откуда-то сверху и было оно конкретным до предела – искать в Марьиной Роще бандитов, совершивших второго июня нападение на инкассаторов Управления полевых учреждений Госбанка. Ну и по всей Москве тоже искать, не на одной Марьиной Роще белый свет клином сошелся.

– Захваченный налетчик оказался немецким диверсантом, товарищи, – сказал на совещании в понедельник начальник отдела. – И успел, пока был жив, сообщить, что банда обретается где-то в Марьиной Роще. Мог и соврать, но все же есть приказ прочесать Марьину Рощу и прилегающие к ней районы частым гребнем.

– А в тех прилегающих районах вся Москва с пригородами, – проворчал заместитель начальника майор Гришин, желчный, въедливый, вечно чем-то недовольный.

Алтунин помнил его другим – таким же въедливым, но более веселым и дружелюбным. Душой компании Гришина нельзя было назвать, но и молоко в его присутствии не скисало от уныния. Но в мае сорок первого Гришина бросила жена, которую он очень любил, причем бросила некрасиво. Сначала долго изменяла ему, потом, видимо, желая оправдать измену, начала устраивать громкие выяснения отношений, которые были слышны на всех пяти этажах милицейского общежития на Пневой, и в конце концов ушла к летчику Рудковскому, герою Халхин-Гола, красавцу и бабнику. С тех пор Гришин и изменился. Замкнулся в себе и с каждым годом мрачнел все больше. Урки боялись Гришина, как огня, потому что знали – ни сострадания, ни снисхождения, ни вхождения в положение от него ждать не стоит, и надеяться на то, что он что-то упустит-проглядит, тоже нельзя, не тот человек. Алтунин уважал Гришина за профессионализм, справедливое отношение к людям и честность, но недолюбливал за чрезмерную категоричность в суждениях. Гришин признавал только два цвета – белый и черный, других цветов, каких-либо полутонов для него не существовало. Украл, значит, – вор. Но воры разные бывают. Один по глупости будку чистильщика обуви подломит, соблазвившись на мелочь, а другой ящиками с продсклада консервы крадет. Нельзя же всех на один аршин мерить, однобокая тогда получается справедливость, неполная какая-то...

– Мы как называемся? – усмехнулся начальник отдела и сам же ответил на свой вопрос: – Московский уголовный розыск. Стало быть, по всей Москве нам искать и положено. Кто желает сузить территорию, может присмотреть себе райотдел и подать заявление о переводе.

Желающих не нашлось. Разве можно сравнивать работу в райотделе с работой в МУРе? Престиж, романтика и все такое прочее, вплоть до перспектив.

После собрания Алтунин задержался на минуту.

– Что-то меня Левкович из НТО беспокоит, Алексей Дмитриевич, – сказал он, смущаясь от того, что приходится вот в таком ракурсе обсуждать своего товарища, сотрудника, пусть даже и не оперативника, а эксперта. – Какой-то подозрительный интерес у него к делу Шехтмана. Каждый день с вопросами пристаёт, хотя сам никакого отношения к этому делу не имеет.

– Чем мотивирует?

– Знакомством. Зубы лечил у убитого.

– Может, так оно и есть? – предположил начальник.

– У него какой-то очень интересный интерес, – скаламбурил, сам того не заметив, Алтунин. – Очень выраженный, детализированный... Нашли уже какую зацепку? А соседи ничего интересного не рассказали? А что в поликлинике говорят? А известно ли мне, что Шехтман раньше в другой поликлинике работал, возле Курского вокзала? Вы меньше этим убийством интересуетесь, чем Левкович.

– Это упрек? – с усмешкой спросил начальник.

– Это факт, наводящий на размышления, – ответил Алтунин, не принимая шутки. – Я не первый день в органах и не страдаю чрезмерной подозрительностью, но интерес Левковича кажется мне подозрительным. А если вспомнить, кем оказался Шехтман и что он был убит накануне своего ареста, то...

– Предполагаешь, что Левкович – информатор бандитов? – нахмурился начальник. – А не очень ли ты хватил? Я Левковича не первый год знаю и никогда ничего такого за ним не замечал. С чего бы ему в бандитские информаторы подаваться?

– Сам не знаю, потому и советуюсь, – честно ответил Алтунин. – И доказательств у меня нет, одни подозрения. Но подозрения такие, от которых не получается отмахнуться. Может, раньше случая не было, может, соблазн какой появился, женщина, например, а может, просто я – дурак контуженный.

– Дураки мне в отделе ни к чему, – покачал головой начальник. – Дураков у нас принято в ОРУД сплавлять, но тебе вроде как пока туда рано. Голова-то как, все болит?

После того, как Алтунина контузило взрывной волной, у него часто болела голова. Длинными приступами, которые не брали ни аналгин, ни водка, только от свежего воздуха становилось немного легче. Врачи разводили руками и обещали, что со временем боли уменьшатся, но точных сроков не называли. И при каждом приступе, в качестве дополнительной нагрузки, возникало у Алтунина чувство неловкости. Снаряд разорвался рядом с «виллисом» начальника дивизионного СМЕРШа, в котором ехали сам начальник, майор Попельков, начштаба полка Сафиуллин, Алтунин и попельковский водитель Максим. Трое погибли, Алтунин остался жив, и было ему неловко перед погибшими, особенно перед Сафиуллиным, у которого остались в Казани жена и четыре дочери, за свою везучесть. Непонятно чего, а стеснялся, как будто струсил или предал.

– Побаливает иногда, – небрежно ответил Алтунин, не уточняя, что «иногда» – это через день, а то и по нескольку дней кряду. – Так что же с Левковичем делать?

– Попробуй добиться какой-то конкретики, – после небольшой паузы ответил начальник. – Спроси его в лоб, послушай, что ответит. Я пока на основании того, что ты мне рассказал, ни выводов сделать не могу, ни совета дать. Или ты думаешь, что я его сюда приглашу, кулаком по столу стукну и он мне так, с ходу, всю правду выложит, потому что я – начальник отдела по борьбе с бандитизмом?

– Я просто хотел посоветоваться, – повторил Алтунин, вставая. – Голова пухнет от мыслей, хочется посоветоваться, а с кем по такому деликатному вопросу посоветуешься? Не к Сальникову же идти...

Секретаря парткома подполковника Сальникова в управлении не любили за карьеризм, равнодушие, склонность к демагогии и высокомерию. Некоторые даже высказывали эту нелюбовь открыто, на что Сальников без всякого смущения отвечал: «Я вам не червонец, чтобы всем нравиться!» и сразу же интересовался: «Что, принципиальность моя поперек души встала?»

– К Сальникову с подозрениями лучше не соваться, – веско и со скрытым значением сказал начальник. – Попробуй вызвать Левковича на откровенность, а там решим.

«Отвали, капитан, и без тебя дел хватает», перевел Алтунин.

К обходу домов сотрудников МУРа не привлекали, не та весовая категория. Обходом занимаются райотделы, в первую очередь – участковые, которые только и делают, что обходят свои участки. Но опрос информаторов, которые хоть краем, хоть боком имели касательство к Марьиной Роше, пришлось провести не откладывая. У Алтунина таких информаторов было четверо – продавщица Зинаида из гастронома на Бахметьевской улице, разбитная аппетитная вдовушка, не раз делавшая ему намеки на нечто большее, что вполне возможно между ними; Моисеич, сторож детского парка имени Дзержинского, перешедший парку по наследству от Лазаревского кладбища, бывшего раньше на этом месте; мойщица Бахметьевского автобус-

ного парка Елизавета Васильевна, мать вора Васи-Сапога, которого Алтунин в сороковом году пожалев, вывел из обвиняемых в свидетели, и Верка-Этажерка, нескладная колченогая дылда, торговавшая своим телом и, в придачу, разным барахлишком сомнительного происхождения.

С Верки Алтунин и начал. Явился прямо домой, к большому Веркиному неудовольствию («Компрометируешь, начальник», сказала Верка, исковеркав трудное слово), подробно расспросил, можно сказать, – всю душу вытряс, но ничего интересного не узнал. Из пришлых, обретающихся на местных малинах, Верка назвала двух приехавших из Ульяновска сестер-татарок, активно скупавших краденые часы, золотые и обычные, а также однорукого вора Ахмеда из города Дербента, который приехал в Москву по каким-то непонятным делам.

– Не то он долг с кого-то получает, не то с кого-то спросить хочет, – Верка равнодушно пожалала костлявыми плечами и еще плотнее закуталась в длинную, с кистями, вязаную шаль. – Но он один приехал, никакой коды при нем нет. И старый он уже, лет шестьдесят, не меньше...

Возраст – это не показатель. На фронте Алтунин пару раз задерживал сильно пожилых шпионов. Опять же, некоторые намеренно могут стариться, в целях маскировки. И отсутствие конечностей не является помехой как для выполнения шпионско-диверсионных заданий, так и для нападения на инкассаторов. Алтунин взял однорукого на заметку и на всякий случай спросил у Верки, не видела ли она Ахмеда в прошлые пятницу и субботу.

– Видела, как вас вижу, товарищ капитан, даже еще ближе, – улыбнулась Верка, плотно ощерив желтые от табака зубы. – Они ко мне в пятницу вечером с Тимохой-Плотником пришли, потом Тимоха ушел, а Ахмед ночевать остался. За-а-амучил совсем, только на рассвете уснули.

– Вместе спали? – бесстыдно, по работе ведь, спросил Алтунин.

– Вместе! – тряхнула кудряшками Верка. – До половины восьмого, пока соседи дверями хлопать не начали.

Алтунин пока что отодвинул однорукого Ахмеда на задний план. Верка вроде бы не врал, незачем ей врать, да и проверить легко, стоит только опросить соседей и карманника Тимофея Кутьина по прозвищу Плотник.

Елизавета Васильевна, как обычно, начала с жалоб на непутевого сына, которому алтунинская снисходительность впрямь не пошла. Вместо того чтобы взяться за ум, Вася продолжал воровать и сейчас мотал семерик где-то под Омском. Алтунин терпеливо выслушал старуху, зная по опыту, что Васильевна пока не выговорится, дельного не скажет, но только зря потратил время, потому что ничего дельного она ему не сказала. А могла бы, потому что работала санитаркой в приемном покое девятого роддома на Второй Ямской. Весь день на людях, да к тому же характер общительный и ум приметливый – кладезь информации, да и только.

Моисеич с утра пораньше успел где-то «остограммиться», погрузился в воспоминания о былых временах, да и увяз там. Вспоминал арестованного десять лет назад медвежатника Ваню Першина, банду Клюквина, прославившуюся дерзким ограблением мехового комбината в подмосковном Ростокине, вора и убийцу Федю-Половника, расстрелянного в сорок первом году, и многих других. Вспоминая, Моисеич качал головой, ронял слезу (глаза у него слезились постоянно) и приговаривал: «Эх, были люди... Какие были люди...». Алтунин, по понятным причинам этого сожаления не разделяющий, плюнул в сердцах на грязный пол моисеичевой каморки и ушел, несолоно хлебавши, в магазин к Зинаиде. Та сообщила, что к ней в последнее время заходят отоваривать карточки два незнакомых мужика, причем заходят регулярно, через два дня на третий. То есть, заходит один, а другой ждет у входа, папиросу курит.

– Блондинчик симпатичный такой, на артиста Кадочникова похож, – тараторила Зинаида вежливый, только заикается слегка...

Один заходит, другой у входа страхует – явная бандитская или шпионско-диверсантская повадка. А блондин, небось, заикается, чтобы акцент скрыть. Или умышленно себе особую примету создает. Все кинутся искать блондина-заику, а на говорящего без запинки шатена

внимания не обратят. Старая уловка... Смушали только карточки, потому что не положено немецким агентам, да еще и таким, которые инкассаторов грабят, связываться с карточками. На карточках спалиться – раз плюнуть. Они то и дело меняются, отоваривают их обычно свои, знакомые продавцам, люди, и каждый чужак с карточками заведомо настораживает – уж не с фальшивыми ли, купленными на Тишинке, он приперся? Нет, вражеским агентам положено на рынке харчи покупать, так спокойнее... Хотя, кто их знает, сукиных детей. Может, у них деньги закончились, а новых уже никто не подкинет, со связным не пошлет, вот они и грабить-воровать начали да карточки краденые отоваривать. А что им еще остается делать? Набрать добра да лечь на дно...

Алтунин побывал в девятнадцатом райотделе, долго искал на территории сначала одного участкового, затем второго, но в итоге выяснил, что заикающийся блондин и его нелюдимый спутник не диверсанты, а демобилизованные фронтовики из бригады, производящей ремонтные работы в двести тридцать седьмой школе. Во время войны учеников раскидали по другим школам, а здесь устроили госпиталь. В апреле этого года госпиталь ликвидировали и начали приводить школу в порядок. К огромному недовольству строгой пожилой директрисы, Алтунин оторвал от работы обоих и повел в магазин к Зинаиде. Та опознала обоих и игриво поинтересовалась у нелюдимого: «А чего вы в магазин никогда не заходите?». Услышав в ответ: «А чего к вам заходить?», поджала сочные губы и снова начала строить глазки Алтунину. Так вот день и прошел в пустой беготне. Выругавшись про себя, Алтунин поехал на Петровку, где сразу же был перехвачен Левковичем.

– Бегаем? – с показным равнодушием поинтересовался Левкович.

– Волка ноги кормят, – в тон ему ответил Алтунин и коварно закинул крючок: – Фима, а ты сегодня дежуришь?

– Нет, – ответил Левкович. – Послезавтра мне на сутки. А на сегодня я уже все закончил, уходить собирался, да вот тебя увидел...

«Врешь», – отметил в уме Алтунин. Просто так, без дела, мог слоняться по коридору Управления кто-то из оперов, хотя никто не слонялся, потому что у всех всегда были дела. Кто-то из оперов, но не эксперт. Лаборатории научно-технического отдела находились в отдельно стоящем двухэтажном здании. Эксперт, желая перекинуться словечком с коллегой, мог заглянуть в соседнюю лабораторию, но в «большом» здании ему без причины не оказаться.

– Вот и я скоро освобожусь! – деланно оживился Алтунин. – Отдохнуть немного хочется. Давай это, сообразим с тобой на двоих... У меня дома. У меня поллитровочка припасена, картошка есть, луковица найдется...

После демобилизации Алтунин жил один. Отец погиб под Москвой в сорок первом, мать умерла от пневмонии в эвакуации в Челябинске, и в пустой комнате ему было как-то неуютно, не привык еще. Поэтому он был не прочь приглашать к себе в гости товарищей, если выдавалась такая возможность. Левкович, правда, ни разу у него не бывал, но почему бы и не скоротать вечерок с хорошим человеком Фимой Левковичем?

– Я недалеко живу, на углу Дегтярного и Малой Дмитровки, добавил Алтунин, еще не привыкший называть родную Малую Дмитровку Чеховской улицей.

– А почему бы и нет?! – просиял Левкович и Алтунин понял, что наживка проглочена, можно подсекать. – Только давай сначала ко мне зайдём, я тоже недалеко живу, в Третьем Колобовском, рядом с бюро находок...

В этом бюро находок до войны работала зеленоглазая девушка Люба с милыми ямочками на щеках. В тридцать девятом у Алтунина чуть было с ней не сложилось. Чуть... «Надо бы как-нибудь заглянуть в бюро мимоходом, – подумал Алтунин и подчеркнул за чем-то: – Просто так заглянуть, любопытства ради...» Если ради этого самого любопытства, составляющего суть оперативно-розыскной деятельности, целыми днями и ночами тоже бегаешь по Москве, то почему бы не заглянуть в восьмой дом по Третьему Колобовскому переулку?

– Я на секунду, только маму предупрежу и воблу возьму, у меня така-а-ая вобла, – Левкович аж зажмурился от удовольствия. – Чистый омуль! Ты омуля ел, когда-нибудь?

– Ел, – кивнул Алтунин, – только это было так давно, что я уже забыл, какой он на вкус...

«Чистый омуль» оказался мелкой плотвой, но по голодным временам вполне мог сойти за омуля. Рыба, картошка, лук – это было просто царское застолье. Поллитровка (неприкосновенный запас Алтунина на всякий пожарный случай) закончилась быстро. Левкович размялся, расслабился и сам сунул лапу в капкан.

– Как идет работа по убийству Шехтмана, Вить? – спросил он, словно только что вспомнил. – Есть новости?

Только что, ага, вопрос этот так и читался в его взгляде весь вечер. Момент удобный все никак не подворачивался, а тут вот подвернулся.

– Есть! – не моргнув глазом, соврал Алтунин. – Точнее – будут с минуты на минуту.

– Это как? – не понял Левкович.

– Очень просто, – Алтунин слегка отодвинулся от стола, обеспечивая себе свободу маневра на тот случай, если Левковичу вдруг взбредет в голову наброситься на него. – Сейчас ты, Фима, расскажешь мне, почему и для чего ты так пристально интересуешься убийством Шехтмана. И учти, что в сказочку про то, что это был твой любимый дантист, я не верю. Ни на столечко не верю.

Продемонстрировав Левковичу для наглядности кончик мизинца, Алтунин взял с тарелки недоеденную картофелину (ели по-холостячки, без вилок), откусил от нее немного и стал жевать, внимательно наблюдая за выражением лица Левковича. С одной стороны, вроде как дружеский разговор, а с другой – почти допрос.

Хмеля от выпитого Алтунин не чувствовал. Так было всегда – в возбужденном состоянии водка его не брала, только настроение немного улучшалось. Полезное качество для оперативного работника, которому иногда приходится пить с осведомителями, а то и с бандитами. В банды Алтунина до войны засылали трижды – один раз в Ленинграде, один раз в Туле и один раз в Твери. Для засылки принято приглашать сотрудников из других городов, которых местные урки в лицо не знают. Москва, на что уж большой город, а все сотрудники органов давно «срисованы».

Левкович заметно напрягся, стрельнул глазами влево-вправо, поиграл желваками, изобразил нечто вроде улыбки и сказал:

– Да ну тебя, Вить, не выдумывай. Я просто спросил, любопытно же.

Алтунин не торопясь доел картофелину и сказал, глядя в глаза Левковичу:

– Завтра утром я доложу о твоём интересе, Фима. Не обижайся, я обязан это сделать. Твое упрямство не оставляет мне выбора.

Левкович вздрогнул и начал бледнеть.

– Посмотрим, что ты скажешь под протокол, – жестко закончил Алтунин и встал, давая понять, что дружеские посиделки-разговоры закончились.

У Левковича было три пути – сказать правду, попытаться купить молчание Алтунина и попытаться заставить его замолчать навсегда. Последний вариант Алтунина сильно не беспокоил, хоть здоровье уже не то, что раньше, но на Левковича его хватит. Можно было и оскорбленную невинность изобразить, но этот вариант, годный только для дураков, Алтунин даже не рассматривал. Фима Левкович был умным человеком и на такое бы не пошел.

– Сядь, – дрожащим голосом попросил Левкович. – Сядь, пожалуйста...

Алтунин сел. Сидящему легче вцепиться в глотку, но Левковичу явно было не до этого. У него дрожали не только голос, но и руки, и губы, и черты лица, казалось, дрожали, и от того выглядели какими-то расплывчатыми. «Поплыл человек», называл подобное состояние начальник отдела. Поплыл – это хорошо, больше шансов, что правду скажет.

– Ты, Вить, чего не надо не думай, – Левкович заискивающе улыбнулся и как-то по-собачьи преданно посмотрел на Алтунина, – а то, небось, в бандитские пособники меня уже записал...

– Пока еще не записал, – ответил Алтунин, сделав ударение на слове «пока».

– Дело в том... – Левкович нервно сглотнул и с видимым сожалением покосился на пустую бутылку, – дело в том, Витя, что Арон Самуилович – мой отец. Настоящий отец. Такие вот дела...

Много чего мог ожидать Алтунин, но не такого.

– Туфту гонишь! – вырвалось у него сгоряча.

Начальство время от времени начинало бороться с употреблением словечек и выражений из блатного жаргона, но это рвение быстро иссякало. Да, сотруднику органов не к лицу изъясняться на фене, да, все понимают разницу между нами и ими, но что уж поделать – с кем поведешься, от того и наберешься, как гласит народная мудрость. Само начальство в гневе или раздражении тоже переходило на «музыку»¹⁴. Во время недавнего собрания, посвященного предстоящей отмене комендантского часа, комиссар Урусов сказал: «Я с вас с живых не слезу, если преступность хоть на полпроцента вырастет». Вроде бы не выросла, если судить по маю, даже снизилась немного, не иначе как угроза подействовала.

– Не гоню! – ответил Левкович, и прозвучали эти слова так, что Алтунин ему поверил. – Арон Самуилович, папой я его так называть и не научился, был знаком с моей мамой с детства, мама ведь, тоже из Шклова. В Москву она приехала уже будучи замужем, но встретила старую любовь и все закрутилось по новой. Отец мой, то есть мамин муж, Наум Левкович, ничего не знал, или, может, только притворялся, что не знает. А мне мама сказала, когда Наум Янкелевич умер. И познакомила меня с настоящим отцом. Не скажу, что мы с ним сильно сблизились, но родственную душу сразу чувствуешь...

Левкович всхлипнул раз, всхлипнул другой, а потом закрыл лицо ладонями и совсем не по-мужски разрыдался. Чужие слезы Алтунина давно не трогали, на допросе плачет или пытается пустить слезу каждый второй, но это был особый случай. Неловкий случай. Пригласил человека в гости, подпоил и начал пугать. А человек свой, сотрудник НТО Фима Левкович, не урка какой-нибудь... У Фимы, оказывается, драма – отца убили. Фима, конечно, тоже дурака сваял, мог бы и сразу правду выложить, не юлить. Сын за отца не ответчик, это сам товарищ Сталин сказал, но Фиму понять можно – неудобно как-то... А он, чудило гороховое, начальнику отдела про Фимин интерес уже рассказал. Кругом нехорошо вышло.

Алтунин похлопал Левковича по плечу, принес ему с кухни свежей воды, спустил хорошенько, чтобы ржавчиной не отдавала, а когда тот немного успокоился и отнял руки от лица, сказал, надевая пиджак:

– Ты посиди немного, я сейчас.

Левкович кивнул.

– Ты чего лишнего не думай, – обернулся с порога Алтунин, сообразив, что его отлучка может быть истолкована превратно – например, как попытка тайком вызвать наряд от соседей. – Я чего-нибудь выпить принесу.

– Хорошо бы, – выдохнул Левкович и полез в карман за деньгами, но Алтунин уже ушел.

Тихо, на цыпочках, чтобы не разбудить рано ложащуюся соседку Анисью Николаевну, Алтунин прошел по коридору, тихо открыл дверь, тихо вышел, и так же тихо притворил ее, но не до конца, чтобы не щелкать зря защелкой замка и не греметь ключами – за минуту ничего не случится. Затем он спустился по лестнице на первый этаж и трижды позвонил в дверь второй квартиры.

¹⁴ Блатной жаргон.

Он не успел отнять палец от звонка, как дверь открылась, но не совсем, а примерно наполовину.

– Что такое? – удивилась краснолицая толстуха в неопрятном фланелевом халате и с волосами, накрученными на самодельные газетные папильотки. – Я вообще-то уже спать ложусь, Виктор Саныч.

– Зачем так официально, Алевтина? – в свою очередь изобразил удивление Алтунин. – Свои же люди, соседи. Через порог пообщаемся или войти пригласишь?

– Входи, раз уж пришел, – женщина отступила на шаг и открыла дверь пошире.

Алтунин вошел, закрыл за собой дверь, достал из кармана пиджака три красные тридцатки и протянул их Алевтине. Та изобразила лицом крайнюю степень удивления и брать деньги не спешила.

– Меня человек ждет, Алевтина, – немного раздраженно сказал Алтунин. – Не ломай комедию, я же не оформлять тебя по сто второй пришел, а торговлю твою незаконную поддерживать.

– А при чем тут сто вторая? – сварливо поинтересовалась Алевтина. – Я же не с целью сбыта, а исключительно для личного пользования. Ну, и если соседа когда угостить...

Взяв у Алтунина деньги, она хмыкнула, вернула ему одну купюру, ушла куда-то в глубь квартиры, хлопнула дверью и вернулась с полулитровой бутылкой, в которой плескалась мутная жидкость.

Самогон оказался неплохим, во всяком случае, с души от него не воротило. Алевтина соображала, кому что продавать, и соседу, да еще и капитану милиции, настойку на курином помете подсовывать никогда бы не стала.

Махнув залпом полстакана, Левкович заметно приободрился и, считая, что незачем что-то утаивать, когда Рубикон уже перейден, разоткровенничался.

– Я несколько раз оказывал Арону Самуиловичу услуги – проверял по его просьбе подлинность драгоценностей. По родственному, бесплатно. Ему больше не к кому было обратиться...

Может, и не к кому, потому что в годы войны почти все экспертные конторы эвакуировались, а может, просто Арону Самуиловичу не хотелось светить цацки сомнительного происхождения.

– В марте месяце, когда я работал с золотым браслетом, в лаборатории вдруг появился Джилавян. Ему что-то срочно понадобилось от Овчинникова, но тот уже ушел. Джилавян увидел браслет и пристал ко мне с расспросами – что за вещица, с какого дела... – Левкович вздохнул и развел руками. – Ты же знаешь Джилавяна, он если прицепится, то уже не отцепится. Пришлось сказать ему, что это меня попросил один знакомый...

– Имя ты ему называл?

– Вырвалось, – Левкович снова вздохнул и махнул рукой, словно говоря – все вы одним миром мазаны, пока все не выпросите, не отстанете. – Случайно... Ничего же ведь особенного. Не положено, конечно, но ведь не чужой человек попросил. Про то, что Арон Самуилович – мой отец, я не сказал, я это никому не рассказывал, тебе первому... Это сугубо личное...

– И чем же у вас разговор закончился?

– Джилавян сказал, что я теперь его должник. Ну, вроде как за то, что он меня не станет закладывать.

– Как же ты расплачиваешься? – заинтересовался Алтунин. – Деньгами? Или экспертизы ему без очереди делаешь?

– Он пока еще ничего не просил. Только смотрит ехидно, когда мы с ним сталкиваемся, – Левкович попытался изобразить взгляд Джилавяна, но у него это не получилось.

– А браслет дорогой был?

– Да, – кивнул Левкович, – очень. Старой работы, массивный, восемьдесят три с половиной грамма червонного золота, шесть чистейших бриллиантов по два с половиной карата и два по три с половиной плюс мелкая россыпь... Арона Самуиловича дешевые вещи не интересовали.

«Ничего себе «колесо», – подумал Алтунин. – Недаром Джилаван как увидел его, так сразу стойку сделал»

6

Начальник отдела не спросил на следующий день, разговаривал ли Алтунин с Левковичем и каким был итог разговора. А должен был поинтересоваться, в МУРе полагалось доводить до конца любое дело, большое или маленькое, важное или не очень. Поставь точку – и тогда уже успокаивайся. Если случился разговор и что-то осталось невыясненным, то у разговора должно быть продолжение. «Продолжение следует», как пишут в журналах, публикуя повесть или роман в нескольких номерах.

Но продолжения не последовало. На утреннем совещании Джилавын с Алтуниным получили нахлобучку за отсутствие должного рвения по делу Шехтмана, но остаться начальник попросил Семенцова, а Алтунину махнул рукой – иди, мол, работай. Алтунин все понял – начальник откуда-то знал про Левковича, про то, что тот был внебрачным сыном убитого Шехтмана, поэтому и не заинтересовался алтунинским сообщением. Но и сам ничего говорить не захотел, посоветовал «расколоть» Левковича и получить информацию, так сказать, из первых рук. Оно и верно – так лучше, и ясность внесена и отношения стали более дружескими, более доверительными. А в коллективе, да еще таком особенном, отношения между людьми решают все. «Кадры решают все!» – сказал десять лет назад товарищ Сталин и как всегда попал в самую точку. Именно кадры все и решают. Но если эти кадры разобщены, не сплоченны, если они относятся друг к другу с подозрением или неприязнью, то разве смогут они работать с полной отдачей? Да никогда в жизни! Если бы начальник проинформировал Алтунина сам, то между Алтуниным и Левковичем осталась бы напряженность, неловкость, которая рано или поздно чем-нибудь да подгадила бы. А откуда начальник узнал, если Левкович никому не рассказывал? Да мало ли откуда, недаром же говорится, что в МУРе секретов нет.

– Сейчас Дмитрич Гришу раскочегарит и он нам сразу убийство Шехтмана раскроет, – сказал Джилавын, идя по коридору.

«Раскочегарить» – это был такой особый метод, заключающийся в ободрении и одновременном раззадоривании новичка. Чтобы человек поверил в себя и показал, на что он способен. Некоторые, попав в круг маститых спецов, робеют, тушуются и оттого совершают разные промахи, а порой, и откровенные глупости. Другие просто не знают с чего начать. Работа в МУРе существенно отличается от работы в райотделе. «Принципы едины, а подход разный», говорит начальник отдела, и он тысячу раз прав. Подход действительно разный, более масштабный, что ли.

– Хорошо бы, – сказал Алтунин, не веривший в то, что Семенцова можно раскочегарить.

Никаких улик преступники в квартире Шехтмана и возле нее не оставили. Несознательные люди... То ли дело Митя-Маленький, который в тридцать девятом подломил продмаг на рабочей улице и, кроме отпечатков пальцев, оставил в кабинете завмага свой паспорт. Устал, ковыряясь в сейфовом замке (медвежатник из Мити был никудышный, одни дешевые понты), решил перекурить, достал из кармана папиросы, да не заметил, как паспорт выронил. А тут – ни отпечатков, ни окурочка.

Выходить на бандитов через подводчика?¹⁵ Да тут подводчиков можно считать десятками. Все знали, что Шехтман обеспеченный человек. Известный на всю Москву дантист бедствовать по определению не будет. И золотишко у всех дантистов, которые коронки ставят, имеется. То есть навести могли и коллеги из поликлиники, и соседи по дому, и многочисленные клиенты, и знакомые. Широко жил покойник, не в смысле того, чтобы швыряться деньгами, а в смысле знакомств-контактов. Это с одной стороны, так сказать, – официальной. Пре-

¹⁵ Подводчиком на блатном жаргоне называется лицо, собирающее сведения об объекте преступления. Подвод – подготовка к преступлению.

ступники могли прийти за ценностями и «приятно удивиться», то есть увидеть, что ценностей этих гораздо больше ожидаемого.

А с другой, неофициальной, и того хуже. Если Шехтмана в уголовной среде знали как богача, то подвод мог вылезти откуда угодно. Один сболтнул, другой услышал... Для того чтобы вломиться ночью в квартиру и запытать хозяина до смерти, много ума не требуется, здесь дерзость нужны с жестокостью. Ну и какая-нибудь уловка, чтобы хозяин открыл дверь. Знал Алтунин такую уловку, срабатывающую почти безотказно. Называлась она: «Откройте, милиция!». Поддельное удостоверение, липовый ордер на обыск, суровая решимость на лице... Это уж насколько безгрешным надо быть, чтобы заподозрить подвох или ошибку и не открыть дверь. А один-двое могут и в форме быть, для пушей убедительности. Нападения на сотрудников милиции с целью завладения табельным оружием и форменной одеждой случаются ежемессечно, и не одно. Июнь толком и начаться не успел, а уже на Большой Угрешской участкового убили и раздели. Человек в марте демобилизовался по ранению, только работать начал...

Пройти войну со всем ее ужасом и погибнуть в мирном городе в мирное время было не просто обидно или несправедливо. Это было вопиюще обидно и ужасно несправедливо. Это было настолько неправильно, что и поверить невозможно. Четыре года, четыре долгих года Алтунину, как и всем советским людям, казалось, что после Победы наступит совсем другая жизнь, светлая, счастливая, в которой радости будет столько, что хоть ложкой ешь, хоть лопатой гребь. И как можно в такое счастливое время погибнуть от бандитской пули или воровского ножа? Однако же вот гибнут люди...

– Ничего, скоро всех переловим, – подумал Алтунин, не замечая, что думает вслух.

– Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, – поддел его Джилавыян, думая, что речь идет об убийцах Шехтмана.

В комнате отдела шел жаркий спор между Даниловым и Беляевым. Когда только начать успели, удивился Алтунин, совещание всего-навсего минуту назад закончилось.

– Ты мне, Валентин Егорович, лапшу на уши не вешай! – кривился Данилов, иронично величая Беляева по имени-отчеству, хотя обычно они обращались друг к другу по именам даже на собраниях. – Я ж в конце концов не совсем чужой авиации человек...

– Не совсем чужой! – срывался на дискант Беляев. – Два раза в парке с вышки прыгал!¹⁶ Мне серьезный человек сказал, летчик!

– Да он тебя разыграл, чудак-человек! Увидел очкарика-лопуха и решил подшутить!

– Что за шум, а драки нет? – поинтересовался Джилавыян.

– Гражданин Беляев, – «гражданин» – это была крайняя степень цензурного сарказма у Данилова, – утверждает, что наши умные конструкторы придумали для нашей доблестной авиации самолет без крыльев, а я прошу его не вешать мне лапшу на уши, а класть в тарелку...

– Мне знающий человек сказал, он испытывал... – встрял Беляев, но Данилов не дал ему договорить.

– Тот, кто испытывает новое оружие, по бильярдным и пивным языком трепать не станет. А самолет без крыльев, если хочешь знать, уже сто лет как изобретен!

– Да ну! – всплеснул руками Беляев. – Что ты говоришь?

– Что знаю, то и говорю, – уголки губ Данилова предательски задергались. – Этот самолет называется снаряд! Круглый, без крыльев, и в воздухе летит!

Беляев покраснел, но смеялся вместе со всеми. Странниками прогресса были все, но Валентину Егоровичу скорее подходило определение «фанатик». Ни бельмеса не смысля в технике (как говорится – доктору докторово, слесарю слесарево), Беляев с видом знатока-эксперта рассуждал о новых танках и самолетах, о снарядах, которые могут долететь из Москвы

¹⁶ Большая популярность парашютизма в СССР в 1930-е годы привела к появлению в городских парках культуры и отдыха парашютных вышек, с которых мог прыгнуть любой желающий.

до Парижа, о гиперболоидах, марсианских кораблях и прочих выдумках, причем выдумки эти выдавал за уже сбывшуюся реальность. «Мне тут один знающий человек сказал», многозначительно начинал Беляев, и окружающие знали – сейчас доктор выдаст очередной анекдот. Главное было – слушать, не возражая и не сомневаясь, потому что возражения и сомнения Беляев встречал в штыки.

Семенцов пришел от начальника угрюмым, видать, тот его не столько «раскошегаривал», сколько «песочил».

– Виктор, бери Гришу и поезжай в клинику к вдове Шехтмана! – на правах старшего распорядился Джилавын. – Я в воскресенье был у нее, но она толком ничего не говорила, только плакала, а потом ей плохо стало, и меня доктора выставили. Хорошо хоть успел список ее украшений получить, которые дома в шкапулке лежали, а то совсем зря время бы потратил. Но вчера, как сказали врачи, ей уже стало лучше, так что давай, действуй. Заодно и Грише опыт передашь. А я с соседями помозгую насчет шехтмановских криминальных связей. Список, кстати, вызубрите, мало ли что...

Список был небольшим, всего двенадцать пунктов, что там зубрить – разок взглянул и все. Пункт первый – «серьги заграничные из золота 750-й пробы с бриллиантами каплевидной формы по два карата каждый», пункт двенадцатый – «бриллиантовая брошь с жемчугом и эмалью в форме бабочки, подарок моего отца на нашу свадьбу, пробу и достоинство камней не знаю, поскольку ни разу ее не оценивала». Алтунин подумал о том, считается ли бриллиантовая брошь приданым или идет по особой статье. Иногда ему приходили в голову совершенно глупые мысли.

По уму в больницу надо было ехать Джилавыну. Раз уж начал контактировать с человеком, так продолжай. Но приказания не обсуждаются, да и контакт мог, что называется, «не пойти». А может, Джилавыну непременно нужно самому пообщаться с бэхаэсовцами...

– Ты, Гриш, пока узнай у доктора, как с больными общаться надо, – сказал Алтунин Семенцову, – а я отлучусь на минуточку.

– Куда? – поинтересовался Джилавын, привыкший, чтобы его распоряжения выполнялись незамедлительно и беспрекословно.

– На минуточку, – повторил Алтунин, создавая впечатление, что ему приспичило отлучиться по нужде. – Я быстро, одна нога еще здесь, другая – уже здесь.

Вместо туалета Алтунин заглянул к кадровикам. Перемигнулся с усатым майором Семихатским, тот сразу вышел в коридор и спросил хриплым басом:

– Чего тебе надобно, старче?

В кадрах, начиная с начальника, подполковника Филатова и заканчивая машинисткой Аллочкой, все были сухари и буквоеды, к которым в обход инструкций не подступиться. Только Семихатский выделялся среди кадровиков добродушием и снисходительным отношением к просьбам личного характера. Разумным просьбам – справочку нужную выдать сразу без этого вечного «приходите завтра», шепнуть о том, что отправили представление к награждению, выписать новое командировочное удостоверение взамен потерянного, не сообщая об этом начальству, и прочее в том же духе.

– Ты сегодня надолго задержишься? – ответил вопросом на вопрос Алтунин и добавил: – Дело у меня есть, маленькое, но личное.

– До восьми точно просижу, – воздерживаясь от дальнейших вопросов, ответил Семихатский. – А позже – это уж как дело пойдет. Ты заглядывай, Алтунин, личные дела – это мой профиль.

– Это ты, Назарыч, в самую точку сказал, – туманно ответил Алтунин, прикидывая в голове план сегодняшних дел, смещенный поручением Джилавына. – Бывай тогда, до вечера.

– И тебе не болеть, – подмигнул Семихатский.

По территории четвертой больницы пробегали с полчаса, путаясь в изобилии корпусов и никак не находя нужного. Наконец какая-то смешливая девица в заплатанном ватнике, накинутом поверх белого халата, сжалась над заблудившимися в трех соснах и привела их к нужному корпусу.

– Дай те бог, добрая девушка, жениха богатого, круглую сироту, – поблагодарил ее любимой бабушкиной присказкой Алтунин. – Выручила ты нас, а то ведь до темноты бы пробегали.

– Главное, чтобы любил, – рассудительно ответила девица, прыснув в кулак, и сразу же, совсем по-старушачьи, вздохнула. – Где они, те женихи?

– Демобилизации ждут! – бодро заверил ее Алтунин. – Пряжки с пуговицами драют, да сапоги начищают до зеркального блеска!

Увидев, что Алтунин сегодня в хорошем настроении, дурак Семенцов решил вызвать его на разговор по душам. Как и положено дураку, не только глупость сделал, но и время с местом выбрал не самое подходящее.

– Я все спросить хотел, – начал он, поднимаясь за Алтуниным по лестнице. – А как так получилось, что вы, Виктор Александрович, ушли на фронт капитаном и капитаном вернулись?

«А как так получилось, что вы, Григорий Григорьевич, дураком родились и дураком, как я погляжу, помрете?», хотел спросить Алтунин, останавливаясь на площадке между первым и вторым этажом. Но вместо этого он улыбнулся Семенцову (того аж перекосило от этой улыбки) и добрым, даже в какой-то мере, ласковым тоном сказал, глядя в его блеклые рыбы глаза:

– А вот это, Гриша, не твоего ума дело. Ты меня понял или повторить?

– Понял! – дернулся Семенцов и сразу же начал оправдываться: – Только вы не подумайте плохого, Виктор Александрович, я же от чистого сердца спросил...

– Не усугубляй! – посоветовал Алтунин, чувствуя, как боль начинает распирать голову изнутри.

Семенцов понял, что лучше заткнуться и умолк.

«Капитаном! – раздраженно думал Алтунин, поднимаясь по высоким старорежимным еще ступенькам. – Мог бы и рядовым вернуться, а мог бы не вернуться вообще...»

Не вернуться вообще – это проще простого. Возьми та пуля чуть левее или угоди тот снаряд на два метра правее – и все! Грызли бы сейчас черви Витьку Алтунина и жаловались бы друг дружке, что толком погрызть нечего – одни кости. Что поделать, Алтунины все мосластые да жилистые, порода такая.

Есть в жизни белые полосы, а есть черные. До войны Алтунину везло, попутный ветер дул в служебные паруса, и он в двадцать семь лет уже был капитаном. Хвастаться особо нечем, летчик-герой Кравченко в этом возрасте комдивом стал, но все же... А как война началась, так вся жизнь наперекосяк пошла – и в личном плане, и в служебном. Отец погиб под Москвой. Мать умерла в Челябинске. В декабре сорок второго два бойца из роты, которой командовал Алтунин, ушли к фрицам. Вроде бы командир тут ни при чем, моральным обликом личного состава замполиту заниматься положено, но, тем не менее, соответствующая запись в личном деле не могла не появиться. В марте сорок третьего, при форсировании Днепра, Алтунин был тяжело ранен – фашистская пуля прострелила навывлет правое легкое. Вдобавок развился гнойный плеврит, оставивший после себя спайки, мешающие дышать полной грудью. Собирались комиссовать вчистую, но Алтунин к кому только не обращался с просьбой оставить его на службе, с кем только не советовался, в том числе и с госпитальным особистом, неплохим мужиком, бывшим коллегой – опером из Киева. Тот замолвил, где надо, словечко, и капитан Алтунин продолжил службу в СМЕРШе. В своем же родном сорок шестом гвардейском стрелковом полку, где половина народу была знакомой, повезло. Служба в СМЕРШ – это та же розыскная работа, только в полевых условиях, Алтунин старался, и у него получалось. Во всяком случае,

начальник СМЕРШа дивизии майор Попельков был Алтуниным доволен, похвалил пару раз и как-то раз даже насчет погон с двумя просветами намекнул¹⁷

¹⁷ То есть – о присвоении звания майора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.